

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПОВѢСТЬ
О ИВАНѢ СЕМЕНОВИЧѢ
СТРАТИЛАТОВѢ

— *Неуёмный бубенъ* —

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

БЕРЛИНЪ

1 9 2 2

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПОВѢСТЬ
О ИВАНѢ СЕМЕНОВИЧѢ
СТРАТИЛАТОВѢ

— *неуёмный бубенъ* —

*ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
БЕРЛИНЪ
М С М Х Х I I*

**Типографія Sinaburg & Co. G. m. b. H.
Berlin SW 68, Alte Jakobstraße 129.**

*Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довгелло*

Среди достопримѣчательностей нашего города послѣ древняго Прокопьевскаго монастыря съ чудотворною иконою Федора Стратилата, высокихъ древнихъ, заново перекрашенныхъ стѣнъ другого, женскаго Зачатьевскаго монастыря, и пыльного бульвара, затѣйливо освѣщаемаго единственою керосиновою лампочкою, тоже не безъ затѣйливости повѣшеною на проволокѣ между рестораномъ и эстрадою для музыкантовъ, послѣ трактира Бархатова, знаменитаго огурцами укропистыми и мѣрными какого-то необыкновеннаго засола и ядренистою бѣлою капустою — зайчикомъ, послѣ дурочки сестрицы Матрены, на которую одни молились, другіе потѣшились, трети отругивались, наконецъ, послѣ Сусанинскаго памятника показывали Ивана Семеновича Стратилатова.

И у всякаго, мало-мальски свѣдущаго на этотъ счетъ, было полное согласіе и единодушіе. Скорѣе о монастыряхъ поспорить, древность которыхъ уже самой мѣстной ученой архивной комиссией доказана, скорѣе въ бульварѣ усомнится глупыре какой заволжскій, либо въ томъ же прославленномъ памятникѣ, но въ Стратилатовѣ никто и никогда, это дѣло немыслимо.

Двадцати лѣтъ началъ онъ свою судейскую службу въ длинной, низкой, закопченной канцеляріи уголовнаго отдѣленія, во второмъ этажѣ, и вотъ ужъ минуло сорокъ лѣтъ, много съ тѣхъ поръ смѣнилось секретарей, еще больше кандидатовъ — все чужой, наплыvный народъ, а онъ все сидѣлъ себѣ за большимъ, изрѣзаннымъ ножами столомъ у окна, выходящаго въ трактирную стѣну, около которой испоконъ вѣку складывались дрова, и переписывалъ бумаги.

Поговорите-ка, кого-кого онъ только не знаетъ, какихъ губернаторовъ не вспомнить, о которыхъ давно ужъ есъ позабыли, да что губернаторовъ! — предсѣдателя первого суда помнитъ.

Вонъ Адріанъ Николаевичъ, правда, волосу много, архіерейскимъ гребнемъ не продержишь, а успѣль-таки ноги пропить, и сколько тамъ ни мудритъ секретарь Лыковъ, сажая безногаго параличнаго писца для обузданія въ архивный шкапъ подъ запоръ, пропьетъ и послѣднюю свою голову. Нѣть, Стратилатовъ не чета Адріану Николаевичу и столы-то ихъ не рядомъ, а другъ противъ друга, и недаромъ пишущую машину между ними поставили: водки Иванъ Семеновичъ отродясь не зналъ, что это за водка, да и кандидатская пушка въ тоненькомъ мундштукѣ никогда не соблазняла его, не куриль.

— А за то живъ и здоровъ, — пояснялъ Стратилатовъ, — прожилъ шестьдесятъ лѣтъ, проживу и сотню, проживу сотню, дотяну до другой: въ первыя времена по пять сотъ благочестивые люди жили и все такое.

По словамъ Лукьянна, сторожа, за всѣ сорокъ лѣтъ съ Стратилатовымъ ровно и перемѣны-то никакой не произошло: цѣлъ, какъ цѣлыши ягоды, либо яйца. Положимъ, это и не совсѣмъ такъ — Лукьянъ кривой, на лѣвый не видѣть — а все-таки Иванъ Семеновичъ еще молодцомъ и крѣпокъ, какъ крѣпкій хрѣнъ, хоть куда. Само собою, курчавыхъ черныхъ волосъ, о которыхъ не разъ проговаривался Стратилатовъ, кудрей этихъ — дѣвьей сухоты и въ поминѣ нѣть: чисто, гладко — плѣшь во всю голову, отъ бровей до затылка, вотъ какая! Но что за бѣда, съ плѣшью даже удобнѣе: деревяннаго масла меныше расходуется да и муху на плѣши легче убить, притомъ она ему и къ лицу какъ-то. Это товарищъ прокурора обязательно долженъ бобрикомъ стричься да чтобы руки были большія бѣлые, какъ бѣлые перчатки, съ рубинчикомъ на мизинцѣ, а у Ивана Семеновича и руки-то самая обыкновенная: пальцы въ родѣ лопаточекъ.

— Плѣшь — украшеніе мужчины, — говорилъ самъ Иванъ Семеновичъ и не безъ гордости.

Другой сторожъ Горбуновъ, которому Иванъ Семеновичъ считаетъ своимъ долгомъ всякую субботу всу-

чить душеспасительную картинку, такой же, какъ Лукъянъ, ветхій, и хоть смотритъ въ оба, а тоже перемѣны никакой не видить и только на уши указываетъ, что какъ-то широки они очень у Ивана Семеновича да длинны ни на какую стать, и словно бы въ тѣ еще времена, какъ жива была покойница мать Стратилатова, да первымъ охотникомъ слылъ Стратилатовъ по городу, словно бы тогда за черными кудрями они и не такъ торчали, такъ не заострялись кверху.

Что правда, то правда: уши большія — ушанъ, спору нѣть. Но посмотрите, когда спить Иванъ Семеновичъ, войдите незамѣтно въ его спальню, когда послѣ обѣда, распластавшись на продавленномъ тюфякѣ и голову закинувъ на промасленную, какъ блинъ, подушку, лежить онъ на своей колченогой желѣзной кровати, они и совсѣмъ ничего: разлопушатся листомъ по подушкѣ, сразу и не замѣтишь. Вся причина, должно быть, въ стѣрой жокейской шапочкѣ съ пуговкою, которую носить Иванъ Семеновичъ, это отъ нея.

Остаются очки — безъ нихъ Стратилатовъ шагу не ступить, всегда на носу, — и не свѣтлыя, какъ у Адріана Николаевича, а дымчатыя — консервы, а изъ-подъ очковъ чуть замѣтные полузакрытые вѣками, мутные глазки и бѣлки, такие желтоватые съ красными жилками.

Такъ-то оно такъ, но самъ-то Иванъ Семеновичъ утверждаетъ совсѣмъ другое: очки, все равно, какъ и калоши, носить онъ больше для виду, а глаза у него голубые. Чѣмъ чортъ не шутить, можетъ быть, они и вправду у него голубые и только изъ-подъ дымчатыхъ стеколь такими кажутся мутными съ желтоватыми бѣлками, — обманъ зреяня.

Шестьдесятъ лѣтъ стукнуло Стратилатову — седьмой десятокъ пошелъ, и сорокъ лѣтъ, какъ сидить онъ въ судѣ да бумаги переписываетъ и за всѣ сорокъ лѣтъ не пропустилъ ни одного дня и во всѣ дни никогда не отлынивалъ отъ дѣла, а перемѣны, какъ видно — какая же перемѣна? — въ банѣ подъ паромъ, подбери онъ только животъ, и совсѣмъ за своего помощника Забалуева сойти можетъ, а Забалуевъ писарь — є р а - мальчишка.

— Собачья старость! — ухмыляясь, говорилъ Адріанъ Николаевичъ, подмигивая изъ-подъ очковъ на своего сослуживца.

И говориль такъ безногій, конечно, больше на смѣшки ради, чтобы поиздѣваться или просто изъ зависти, ибо всегда былъ и останется, по мѣткому определенію Ивана Семеновича, обуянъ бѣсомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой иной смыслъ въ этой собачьей старости, чередующейся съ гекубой, голгофой, аваріей, объектомъ, сферой, раутомъ, и тому подобными ни на что не похожими выраженіями, по крайней мѣрѣ, никакой видимой связи не имѣющими съ Стратилатовымъ: сидить вотъ такъ безногій, сидить, бумаги переписываетъ, либо прошеніе сочиняетъ, либо всей пятерней разглаживаетъ свою клочастую рыжую бороду, да съ пьяныхъ глазъ и пустить черезъ столъ что-нибудь въ такомъ родѣ, а всѣ чиновники такъ смѣхомъ и заливаются — со смѣху мрутъ.

Ну, да вѣрь всякому вздору, говорить съ безногимъ, — гороху набѣстъся, и то мало, сказано: обуянъ бѣсомъ.

Другое дѣло всѣхсвятскій дьяконъ Прокопій, въ домѣ котораго вгнѣздился Стратилатовъ. Прокопій, когда рѣчъ заходила о безпримѣрной крѣпости и не по лѣтамъ цвѣтущемъ видѣ неугомоннаго жильца, ссыпался на естество.

— Естество, — говорилъ дьяконъ, потягивая свою рыжую рѣдкую бороденку, — такое естество, его же уставы попрать невозможно.

И, пожалуй, дьяконъ былъ правъ.

Какъ яйцо, круглый и полный, во всю щеку румянецъ, да такой румянный — малина, а губы — сирень-цвѣтъ, другого не подберешь, и надѣ губою — пушокъ, либо такъ, будто углемъ по губѣ кто провель, съ масленицы осталось, нось — его за три версты увидишь — длинный, и все такое сытое да наливное, сахарное.

— Когда буду старымъ, отпушу бороду, — не безъ удовольствія объявлялъ до синя выбритый и даже кое-гдѣ поцарапанный отъ тщательного бритья Иванъ Семеновичъ и молодцевато вытягивался на своихъ жилистыхъ тонкихъ ножкахъ, инда утроба вся вздрагивала.

Стойкий, этакъ вставалъ онъ открыто плѣшью къ солнцу, крѣпко и твердо упираясь на свои огромныя тяжелыя ступни: вотъ, моль, я — голова.

И всѣ, какъ одинъ, соглашались, что Стратилатовъ — голова, какихъ мало, но тотъ же Адріанъ Николаевичъ не пропускалъ и тутъ случая позубоскалить.

— У тебя не голова, — ухмылялся безногий, — у тебя такъ, братъ, головка!

Всякій день по утру часовъ въ семь, когда по домамъ еще бродить сонъ, послѣдній, но зато самый сладкій и такой крѣпкій, что ни стукомъ дровъ, ни колокольнымъ звономъ — а звонять и въ Прокопьевскомъ, и въ Зачатьевскомъ, и въ приходскихъ церквахъ — никакими силами, кажется, не одолѣть и не выгнать его за дверь въ сѣни, когда однѣ лишь торговки съ молокомъ и корзинами идутъ на базаръ и кричать, какъ только умѣютъ кричать однѣ лишь торговки, да бѣгутъ чиновники въ казенную палату, въ этотъ ранній заботливый часъ, проходя по Поперечно-Кошачьей, легко столкнуться лицомъ къ лицу съ Стратилатовымъ.

Зимою онъ въ ватномъ пальто, на шею намотанъ красный гарусный шарфъ, лѣтомъ въ сѣромъ люстриновомъ пиджачкѣ и въ сѣрой жокейской шапочкѣ съ пуговкою, изъ кармана непремѣнно торчитъ пестрый платокъ, подъ мышкою синій бумажный мѣшочекъ съ сахаромъ, и всегда калоши.

И· если бы вдругъ подъ какимъ-нибудь волшебнымъ глазомъ такъ все измѣнилось: перескочили бы усики-пушокъ, долгій нось, малиновый румянецъ и сама гладкая, смазанная деревяннымъ масломъ стратилатовская плѣщь на другую и совсѣмъ непоказанную голову, на полиціймейстерскую — на самого Жигановскаго, а жигановские усы на предсѣдателя, старичка чахоточного, безвозвратно перетерявшаго за упорными болѣзнями всю свою природную отклику, а самъ Стратилатовъ превратился бы въ какого-нибудь кита, свинью, мышь или бѣлою лебедью поднялся бы со стаей лебедей надъ Волгою, все равно по одному этому синему мѣшочку - тюричку и калошамъ ни съ чѣмъ его не спутаешь.

Какъ въ судѣ, такъ и въ другихъ казенныхъ учрежденіяхъ, чиновники обыкновенно пьютъ чай въ складчину, сахаръ обходится въ мѣсяцъ семнадцать копѣекъ на брата. По расчетамъ же Стратилатова выходило, что выгоднѣе носить свой сахаръ. Вотъ почему неразлученъ съ Иваномъ Семеновичемъ синій мѣшочекъ, и это всѣмъ извѣстно. Что же касается калошъ, то по огромности своей стратилатовскія не уступятъ даже и тѣмъ, что въ витринѣ у Охлопкова для ротозѣевъ выставлены, и изъ тысячи въ какои-угодно толпѣ выдѣляются, притомъ съ первого же взгляда въ глаза бросится, что и надѣты-то онѣ только для виду: сапоги у Стратилатова рантовые, солдатскіе, изъ толстой грубой кожи, которую ни дождь, ни морозъ не беретъ, и одни сами по себѣ безъ всякихъ калошъ прекрасно скрадываютъ пространство.

Поднявшись въ шесть подъ всѣхсвятскій благовѣсть и помолившись Богу, а Иванъ Семеновичъ молится долго и усердно, выбрившись и поворчавъ на Агапевну, съ незапамятныхъ временъ прислуживающую у Стратилатова, послѣ утренняго чаю отправляется онъ по Поперечно-Кошачьей на толкучку, гдѣ съ часъ и толчется около всякихъ старья и книжныхъ ларей будто безглазый, въ своихъ темныхъ очкахъ, какъ-тоносомъ что ли высматривая заброшенное добро, сваленное, какъ попало, вперемежку съ пустяками.

Толкучка для Стратилатова не праздное развлеченье празднаго человѣка, толкучка для Стратилатова—существованіе, дѣло, какъ для врача эпидемія, для адвоката разбой, для газетчика несчастное происшествіе; и не изъ тридцати-рублеваго чиновничьяго жалованья, а черезъ эту толкучку лежало у Стратилатова въ государственномъ банкѣ цѣльыхъ десять тысячъ неприкосновенно.

— Умные люди всегда устроятся, дураки никогда не умѣютъ! — такъ говорилъ Стратилатовъ.

Еще въ свои молодые годы занялся Иванъ Семеновичъ промысломъ — продажею старинныхъ вещей. Купить удавалось ему всегда за дешево — безъ кошелька не выходилъ на толкучку и, пока другіе зѣвали, бралъ безъ всякихъ проволочекъ облюбованную вещь, а затѣмъ сбывалъ ее за хорошую цѣну столичнымъ скупщикамъ. Такъ, скупая и перепродаюая, сколотилъ себѣ Стратилатовъ капиталъ.

Нашъ городъ стариою славится

Но не одна выгода, также и страсть гнала Ивана Семеновича на толкучку и не меньшая, чѣмъ у сосѣда его Тарактеева, мучного торговца, начетчика и нумизматы, и самъ онъ не прочь былъ изъ-за какой-нибудь гравюры, качества весьма подозрительного и вовсе не принадлежащей Рембрандту, которому любилъ приписывать всѣ безъ исключения свои гравюры, такъ разссориться съ пріятелемъ, какъ недавно еще поссорились на всю жизнь городской врачъ Лихаревъ съ архитекторомъ Барановымъ изъ-за какихъ-то креселъ, будто бы петровскихъ, и не все продавалъ онъ изъ добытыхъ драгоцѣнностей, оставляя себѣ кое-что и дѣйствительно цѣнное. И вотъ почему среди судейскихъ чиновниковъ одинъ Борисъ Сергеичъ Зимаревъ — помощникъ секретаря и непосредственный начальникъ Стратилатова, за умѣнье свое точно и вѣрно опредѣлять древности снискать у него искреннее уваженіе и даже дружбу.

Въ нашемъ городкѣ всякий во всемъ понималъ толкъ, да какъ-то безъ толку.

Къ девяти Стратилатовъ въ судѣ. Онъ приходитъ первый, раньше всѣхъ, и только за послѣднее время секретарь Лыковъ не отстаетъ отъ него, а иногда и предупреждаетъ. Но Лыковъ — исключение и вообще на настоящихъ прежнихъ секретарей ничуть не похожъ: прокурора Лыковъ не боится, а прокурора всѣ боятся, языкъ у Лыкова не лопотунъ, не жало, а попадешь ему на языкъ, — въ когтяхъ у черта уютнѣе; просмѣеть, отбрѣеть, и все напрямикъ въ глаза жарить безъ обиняковъ, безъ окличностей, безъ лжи и лести, а когда смѣются — бровью не двинетъ, точно замкомъ заперть, и такъ законы знаетъ, будто самъ сочинялъ ихъ.

Стратилатовъ является въ судѣ не съ пустыми руками: кромѣ синяго мѣшочка съ сахаромъ, онъ приносить съ толкучки какую-нибудь старую вещь — картины, икону, книгу либо такъ мелочь. И первымъ дѣломъ сложить покупку за свой стулъ къ стеклянной горкѣ, гдѣ хранятся бланки, бумага и другія канцелярскія принадлежности, затѣмъ, высморкавшись такъ, что вся горка звякнетъ и ей отзовется другая съ разбитымъ стекломъ, отъ Адріана Николаевича, подложивъ подъ

локти по листу чистой бумаги, чтобы рукавовъ не засалить, обсосеть перо и примется за переписку.

До двѣнадцати лучше не беспокоить Стратилатова: въ двѣнадцать секретарь потребуетъ отъ него исполненій по предыдущему дню и, хочешь-не-хочешь, давай бумаги, а не подашь, Лыковъ потачку давать не любить, такой столбнякъ нагонить, своихъ не узнаешь.

И не столько выговоръ, сколько само по себѣ ослушаніе страшить Ивана Семеновича. Начальству онъ преданъ, страхъ передъ нимъ знаетъ, и чѣмъ выше начальство или, какъ говорится, иное какое усмотрительное лицо, тѣмъ страхъ сильнѣе: поджилки дрожать, ноги подкашиваются, ножки тараканы вырастаютъ и до слезъ обуяетъ трепетъ, до потери всякаго соображенія, до полнаго забвенія нужнѣйшихъ житейскихъ обстоятельствъ, какъ то, имени, отчества и фамиліи, возраста, пола и положенія, когда, напримѣръ, случается столкнуться ему въ прихожей съ предсѣдателемъ, съ которымъ ни разу во всю свою жизнь не сказалъ онъ ни одного слова. Нѣтъ, лучше не беспокоить Ивана Семеновича.

Но лишь только секретарь уѣдетъ съ докладомъ, и останется вмѣсто него всего-навсего одинъ его столъ, заваленный дѣлами, тутъ-то и наступаетъ самое подходящее время побесѣдовать съ Стратилатовымъ. Онъ становится неистощимъ и разговорчивъ: отъ одного къ другому собираетъ онъ всѣхъ чиновниковъ и, прищепывая отъ удовольствія, пускается во всѣ тяжкія — всякія исторіи, всякія приключенія, всякія происхожденія исторической, современныя и даже апокрифическія, изъ отреченныхъ книгъ заимствованыя, въ родѣ Повѣсти о Ноевомъ ковчегѣ, и всѣ, какъ на подборъ, содержанія весьма тонкаго, жарить онъ на память, какъ по писанному, пересыпая анекдотами, шуткою и такъ попутными замѣчаніями, тоже по смыслу своему исключительной легкости, затѣмъ переходитъ къ стихамъ, извѣстнымъ больше въ рукописномъ видѣ, нежели изъ печатныхъ книгъ, въ родѣ знаменитой Первой ночи, и декламируетъ поэмы на распѣвъ, съ замираніемъ — по театральному.

Что за смѣхъ подымается! — Вотъ лопнешь, вотъ со смѣху надсадишь бока, нѣтъ ему тына, ни помѣхи — три кандидата за столомъ Стратилатова да три за

противоположнымъ у Адріана Николаевича, помощникъ Стратилатова писарь Забалуевъ да Адріанъ Николаевичъ безногій съ своимъ помощникомъ писаремъ Корявкой — кто хохочеть, кто сопить, кто взвизгиваетъ, кто просто подкрякиваетъ, а самъ Иванъ Семеновичъ такъ ржетъ, пыль подымается, пылинки летятъ, точно перетряхивають сданныя въ архивъ пропыленныя дѣла.

Другому бы не въ мочь, другой угоритъ, но какъ разъ именно этотъ - то воздухъ и дѣйствуетъ на Стратилатова благопріятно: хлѣбомъ не корми, дай подышать.*

Разгорячается воображеніе, вылетаютъ слова все игривѣе и забористѣе, да такое загнетъ, небу жарко.

И ужъ не пришепетываетъ, а словно въ бубень бѣть, молодцевато вытягивается на своихъ жилистыхъ тонкихъ ножкахъ, инда утроба вся вздрагиваетъ.

Стойкий, этакъ встаетъ открыто плѣшью къ солнцу, и она гладкая, смазанная масломъ, маслянистая румянится, какъ обѣ щеки, малиновымъ румянцемъ.

— Не уемный бубенъ! — взывалъ, трясясь отъ хохота, безногій Адріанъ Николаевичъ.

Когда въ прокурорскій надзоръ стали поступать для уничтоженія конфискованныя книги по статьѣ, какъ говорилось въ протоколѣ, соблазнительного ихъ характера, Стратилатовъ, имѣя ходы, получалъ такія неудобные книги, внимательно строчка за строчкою прочитывалъ и, выудивъ мѣста занимательныя, преподносилъ чиновникамъ къ всеобщему удовольствію и развлечению всей канцеляріи и такъ же ржалъ, какъ при какой-нибудь Азбука или при Воспоминаніяхъ вдоваго священника — чтенія довольно излюбленного и ходового, и такъ же подымалась вокругъ пыль, летѣли пылинки, точно перетряхивали сданныя въ архивъ пропыленныя дѣла.

— Грязный человѣкъ! — такъ отзывался, не иначе, секретарь о Стратилатовѣ, имѣя въ виду эту самую падкость Стратилатова на предметъ исключительный.

Какъ огня, боялся Иванъ Семеновичъ Лыкова, но это мнѣніе о себѣ пропускалъ онъ мимо ушей, не трогало оно его и не могло уколоть. Слава Богу, за сорокъ-то лѣтъ беспорочной службы нось его кое-что чуялъ, и пускай Лыковъ — законникъ, пускай аккура-

тенъ, какъ нѣмецъ, и всѣхъ въ страхѣ держитъ, а все-таки — тутъ Иванъ Семеновичъ отдалъ бы руку на отсѣченіе — Лыковъ революціонеръ.

Революціонеровъ же Стратилатовъ за людей не признавалъ, а такъ за шушера, выдѣляя лишь однихъ декабристовъ.

— Только благородные и могутъ бунтовать, а это все шушера! — вотъ подлинныя слова Стратилатова.

Молодежь — чиновники, не относясь къ Стратилатову такъ брезгливо и строго по-лыковски, насыщались надъ нимъ и изводили его, когда ему совсѣмъ было не до смѣха, и чаще при спѣшныхъ дѣлахъ до чаю, за развлечениія же и за то, что даваль взаймы, пожалуй, даже любили.

Стратилатовское правило всѣмъ хорошо извѣстно: попроси — не откажеть и расписки не надо и только для порядку, когда ужъ возвратишь долгъ, попросить расписаться, — вытащить изъ кармана сложенный въ восьмушку листъ съ записями и укажетъ твою фамилію:

— Отмѣтьте, что получено.

Мудрое правило, всѣми оцѣненное по достоинству.

И вотъ почему въ три часа, когда изъ суда вываливалась компанія молодыхъ чиновниковъ и притомъ далеко не чинно, а шумно и безалаберно, это значило, что выходитъ Стратилатовъ.

По дорогѣ домой обыкновенно онъ оканчивалъ спутникамъ начатый еще въ судѣ разсказъ, по тонкости своей, какъ всегда, требующій большой выразительности, прерывая свою кудрявую рѣчъ, и совсѣмъ не въ ущербъ ей, лишь у церквей, такъ какъ считалъ своимъ долгомъ, поровнявшись съ церковью, обязательно помолиться, а молился Иванъ Семеновичъ долго и усердно.

Такъ мирно въ веселой компаніи да въ пріятныхъ разговорахъ послѣ дневныхъ трудовъ добирался Стратилатовъ до Всѣхсвятской церкви.

Миновавъ Всѣхсвятскій алтарь, окруженный могильными крестами, приходящими какъ разъ противъ оконъ его гостиной, завертывалъ онъ на свой дворъ и шелъ по дорожкѣ важно, степенно и благопристойно, какъ подобаетъ чиновнику, заглядывая черезъ свои темные очки въ окна смежной квартиры полицейского надзирателя и предвкушая обѣдъ, щи какія-нибудь го-

рячія, которыя изждались его, упрѣлая въ печкѣ за розовою занавѣскою, какъ изждалась старуха Агапевна, принимавшаяся уже нѣсколько разъ раздувать рыжимъ стратилатовскимъ сапогомъ непослушный пузатый никелированный самоваръ — в а з о й, и, дойдя до амбара, гдѣ хранилась старинная мебель, сундуки и всяkie мѣшки, опять заворачивалъ, ускоряя шагъ при видѣ узенькаго крыльца и покосившейся, обитой войлокомъ и kleенкой, захватанной драной двери.

Откуда и какъ пошелъ Стратилатовъ, въ точности не выяснено. Отецъ его изъ крѣпостныхъ — управляющей въ имѣніи одного изъ крупныхъ, впослѣдствіи разорившихся помѣщиковъ нашей губерніи, нѣкоего Обернибѣсова, мать обернибѣсовская крѣпостная. А между тѣмъ, самъ Иванъ Семеновичъ не безъ таинственности заявлялъ, что мужицкаго въ немъ ни вотъ эстолько! — и что онъ — дитя дворянское и, какъ на нѣкоторое будто бы неопровергимое доказательство, тоже не безъ таинственности и съ видимымъ удовольствіемъ, указывалъ на это мѣсто, какъ самъ любилъ выражаться, — на свой длинный нась, который за три версты увидишь.

Опровергать не опровергали, никто этимъ не занимался, и самъ вольнодумствующій Адріанъ Николаевичъ какъ будто тоже ничего не имѣлъ противъ, даже наоборотъ, былъ какъ-то особенно заинтересованъ и при случаѣ считалъ своимъ долгомъ высказать собственные догадки о таинственномъ зачатіи Стратилатова.

Адріанъ Николаевичъ утверждалъ, что это мѣсто — нось стратилатовскій — ровно ничего не доказываетъ, а если и доказываетъ, то какъ разъ противное: вѣдь и послѣднему дураку ясно наизаконнѣйшее его происхожденіе отъ законнаго родителя — наслѣдство простого человѣка, другое дѣло, будь на немъ родинка или еще какое украшеніе; а что вотъ другое мѣсто и не менѣе выдающееся — стратилатовскія лопухатыя уши, заостренные кверху, подлинно самое настоящее высшей породы — обернибѣсово и, если ужъ ссылаться, такъ именно на уши и отнюдь не на нось.

Ошибался ли Иванъ Семеновичъ, а Адріанъ Николаевичъ былъ правъ, или, наоборотъ, Иванъ Семеновичъ былъ правъ, а Адріанъ Николаевичъ ошибался, разобраться въ такомъ мудреномъ дѣлѣ сверхъ силы чело-

въческой и лучше всего, да такъ и наитіе подсказывало, положиться на обоихъ, въроя тому и другому — и въносъ и въ уши.

Дѣтство Стратилатовъ провелъ въ обернибѣсовской старинной усадьбѣ и воспитаніе получилъ, какъ кажется, подъ стать таинственному своему зачатію.

Смутно и путанно вспоминалъ Иванъ Семеновичъ свои ранніе годы, теченіе которыхъ будто бы складывалось возвыщенно и необыкновенно.

Ужъ само крещеніе было наобыкновенно. Крестили его не въ купели, а черезъ шапку. И произошло все это при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Было въ тотъ годъ на селѣ безпоповье — умеръ священникъ, а родился Иванъ Семеновичъ зимою слабенький — везти такого за сорокъ верстъ въ ближайшій приходъ было невозможно. Послали Егора, столяра обернибѣсовского, въ то село къ священнику. А священникъ Ѹхать не можетъ — храмовой праздникъ. Что дѣлать? Да, вотъ что дѣлать: окрестиль батюшка шапку и далъ ее Егору, чтобы тотъ, какъ пріѣдетъ, надѣль бы ее на младенца, и ужъ никакого крещенія больше не надо. Спряталъ Егоръ шапку, поѣхалъ, верстъ двадцать отъѣхалъ, вывалился на ухабѣ, — имято и забылъ. Повернуль назадъ и прямо къ священнику, а попъ имени не хочетъ говорить: „Дай, — говоритъ, — двугривенный, скажу“. Егоръ ему полтину — деньги-то управляющаго! — да на радостяхъ ужъ съ именемъ въ трактиръ, выпилъ, обогрѣлся — шапку-то и потерялъ. Шапченка старенькая, грошъ ей цѣна, да съ пустыми руками тоже вернуться неловко. Едва отыскаль какую-то, да скорѣе домой. Надѣли ее на младенца, такъ черезъ шапку и окрестили. Вотъ какая исторія!

Рось онъ смышленнымъ, рано выучился грамотѣ, — скоро она ему въ умъ далась, и умѣль изъ ружья стрѣлять, рано пристрастился къ чтенію, перечиталъ много и разнаго, но больше божественнаго, пробовалъ и самъ сочинять, писаль стихи. Семнадцати лѣтъ по смерти отца своего переселился съ матерью въ городъ, въ домъ всѣхъ святскаго дьякона Прокопія. Изъ деревни вывезено было много всякаго добра и, можетъ быть, оно-то и легло въ основаніе тѣмъ собраніямъ рѣдкостей, какимъ славился Иванъ Семеновичъ, и положило начало его промыслу.

О законномъ отцѣ своемъ Стратилатовъ самъ никогда не вспоминалъ, а на разспросы отвѣчалъ неохотно и говорилъ не иначе, какъ съ какою-то горькою обидою и даже съ презрѣніемъ, и единственno за то, что отецъ простой — мужикъ. Мать же свою обожалъ, ухаживалъ за нею, холилъ, жалѣль и берегъ пуще себя, чуть не молился на нее — примѣрнѣе и почтительнѣе не найдешь сына, а послѣ смерти ея сохранилъ самыя трогательныя воспоминанія, и кровать краснаго дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, на которой спала она, стояла подъ чехломъ въ сараѣ неприкосновенно.

— Мнѣ ничего для мамаши не жалко, — рассказывалъ, бывало, Иванъ Семеновичъ, — я навѣрное зналъ, что она помретъ, но все-таки шесть рублей восемьдесятъ семь копѣекъ истратилъ на лекарство. Такъ мнѣ скучно было, мѣста не находжу, некому чаю налить.

Годъ спустя послѣ смерти матери, справивъ поминки, Стратилатовъ женился.

Рассказывали, что въ день свадьбы послѣ вѣнца, когда разошлись гости, провелъ онъ ночь одинъ, затворившись въ гостиной, и, стоя на молитвѣ, боролся съ собою:

— Иванъ, опомнись! Иванъ, побори! — такъ будто бы укорялъ Иванъ Семеновичъ и обуздывалъ себя до самаго утра.

И взошло солнце, и все-таки не побороль, за то ужъ на слѣдующій день въ радости пѣсни пѣлъ.

Жену онъ взялъ себѣ молодую, красивую.

Глафира Никаноровна тихая, кроткая, рѣдко слово услышишь и одна забота, что о своемъ Ванечкѣ, да такая усердная и желанная, любо-дорого посмотрѣть, и по-старинному: руки съ подносомъ, ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, — чего еще, живи, какъ Адамъ въ раю, — а между тѣмъ на другой ужъ годъ Стратилатовъ снова остался въ одиночествѣ.

Надо сказать, что обѣ эту пору назначили въ нашъ судъ новаго слѣдователя — молодой человѣкъ, весельчакъ, большой шалопутъ и, хоть ни въ какомъ родствѣ не состоялъ съ Стратилатовымъ, фамилія одна и та же — Стратилатовъ.

Бывають же такія досадныя совпаденія: живеть человѣкъ тихо, никого не трогаетъ, вѣдь тебя знаютъ и ничего за тобою не числится, и хватъ, вѣдь одинъ прекрасный день появляется нѣкто съ твоей фамиліей и все перевертывается — ты ужъ тотъ да не тотъ или не совсѣмъ тотъ, потому что есть еще и другой, дѣли съ нимъ свое имя, дѣли и всякую пакость. И появляется тебѣ этотъ самый съ твоей фамиліей не вѣдь комъ нибудь головоломномъ фантастическомъ смыслѣ — не отъ разстройства и дурного воображенія, а самыи живымъ и осозаемымъ образомъ, съ метрикою и даже съ положеніемъ.

Тутъ-то и подымается проклятая мысль: а что если этотъ новоявленный — настоящій, а ты — поддѣлка?

Задумался Иванъ Семеновичъ и сталъ все думать и всякія строить предположенія: что все это значило, и къ чему бы это такое было, и нѣтъ-ли тутъ какого знаменія, и кто настоящій, онъ-ли Стратилатовъ или тотъ, слѣдователь Стратилатовъ? И, ничего опредѣленного не рѣшивъ, насторожился.

Все шло по-хорошему, не случилось никакого недоразумѣнія, не было путаницы и подмѣны, и ужъ собирался было Иванъ Семеновичъ къ новому году выкинуть изъ головы всѣ свои опасенія и окончательно утвердиться, что онъ и есть самый настоящій Стратилатовъ, а слѣдователь — поддѣлка. И вотъ, словно бы нечистое что, потянуло его на именины къ Артемію, старому покровскому дьякону.

Какъ всегда, именины Артеміяправлялись хмельно и весело. Навалило гостей, хозяина съ ногъ сбили. Много было барышень и много подавалось угощенія. Стратилатовъ былъ вѣдь самомъ хорошемъ расположениіи духа, набилъ полные карманы лакомствами для своей Глафиры Никаноровны, философствовалъ съ зачатьевскимъ Ахитофеломъ — протопопомъ о. Пахомомъ, щеголяя своею ученостью и вѣдь оборотахъ рѣчи употребляя отборныя слова, вродѣ какого-нибудь паки-те-ченія, онъ-сицы, непщеванія, гобзованія и тому подобныхъ замысловатостей, впопадъ и не впопадъ, а когда стали вѣдь фанты играть, засыпалъ остригами, а за верблюжымъ скаканьемъ, какъ выражался Артемій, — за танцами, смѣшилъ анекдотами, разска-

зами о Карапетѣ Карапетовичѣ и его пріятелѣ, о преимуществѣ новыхъ языковъ передъ древними, про смекалку, жулю ремешки и про другое не менѣе забавные случаи, да такъ и не замѣтилъ, какъ ужинать подали. И вотъ за ужиномъ среди всякихъ шутокъ, когда гости стали похваляться другъ передъ другомъ, расхвастались, послышалось ему, что въ пьяномъ углу заговорили о Глафирѣ Никаноровнѣ, сталъ прислушиваться — такъ и есть, о ней, и все въ выраженияхъ самыхъ иносказательныхъ и неравнодушныхъ, затѣмъ кто-то сказалъ:

— Эхъ ты, слѣпая курица, чего говоришь зря, по уши врѣзилась она въ Стратилатова, ихъ и водою не разольешь.

Выронилъ Иванъ Семеновичъ вилку, какъ обухомъ ударило его по лысинѣ: представился ему вертлявый слѣдователь Стратилатовъ, вспомнились ему всѣ предчувствія, вся тревога, и такъ зарябило въ глазахъ, такое сердце взяло, что самъ бы себѣ языкъ перекусилъ. Подъ предлогомъ внезапнаго внутренняго разстройства, Иванъ Семеновичъ вылѣзъ изъ-за стола вонъ и, сломя голову, безъ шапки, бросился домой.

Какъ добѣжалъ, не помнить, бѣшенный ворвался въ домъ и прямо съ кулаками на Глафиру Никаноровну.

— Вонъ, вонъ изъ моего дома!

Та со сна ничего не понимаетъ.

— Куда, — говорить, — мнѣ дѣваться?

А онъ ее за косы, да такъ, что косы остались въ его рукѣ, пхнуль къ дверямъ, да за дверь, да какъ саданеть колѣнкою съ крыльца:

— Къ Стратилатову, вотъ куда, къ паршивцу своему Стратилатову, чтобы и духу твоего не пахло.

Такъ и выгналъ ни за что, ни про что, и безкосою.

Глафира Никаноровна сама послѣ всю эту исторію всѣмъ рассказывала и со всѣми подробностями, жалуясь на свою горькую, сиротскую долю. Иванъ Семеновичъ молчалъ, и не поминай ему — уши затыкалъ, когда говорили о женѣ его, имени ея не хотѣлъ слышать. А когда, и это еще совсѣмъ недавно, помощникъ Адріана Николаевича, писарь Корявка прошелся съ пьяну на счетъ неудавшихся браковъ вообще,

и хоть имена умолчалъ, но очень ужъ прозрачно, Иванъ Семеновичъ схватилъ чернильницу и пустилъ ее въ Корявку, — въ Корявку не попаль, промахнулся: у секретарского стола грохнулась чернильница и осталось до сихъ поръ черное пятно. Значитъ и черезъ тридцать лѣтъ все еще кипѣло и мучило, — вотъ какія бывають искушенія!

Слѣдователя Стратилатова въ тотъ же годъ перевели отъ насть, Глафира Никаноровна доживала вѣкъ у своей матери, тихая и кроткая.

Одному оставаться въ домѣ невозможно: и скучно, и неудобно, да и за домомъ надо чтобы присмотрѣть быль. Не устроилъ Стратилатовъ себѣ тихаго семейнаго очага, не удалась ему семейная жизнь, ну да хоть какъ-нибудь, а надо наладить жизнь. Тутъ-то и опредѣлилась къ нему Агапевна, и за старостью лѣтъ, никакда не годная, нанялась очень сходно, — не за жалованье, а всего за хлѣбъ, и съ тѣхъ поръ служить ему безотвѣтно и безропотно, вѣрою и правдою.

Замѣчательный человѣкъ Иванъ Семеновичъ, и всѣхсвятскаго дьякона домъ, гдѣ протекаютъ его тихіе, одинокіе дни, особенный.

Домъ небольшой — двѣ низенькия комнаты и кухня, и вездѣ лампадки: въ кухнѣ лампадка, въ спальнѣ лампадка, а въ гостиной двѣ, — въ обоихъ переднихъ углахъ. Иванъ Семеновичъ самъ любить зажигать лампадки, Агапевнѣ не довѣряеть — старая, руки у нея трясутся, и, за что ни возьмется, все изъ рукъ валится, и только въ постные дни, въ среду и пятницу, когда по примѣру Агапевны, употребляеть Иванъ Семеновичъ натощакъ святое маслецо, дозволяется ей вскарабкаться на табуретку и взять ложечку изъ лампадки.

Какъ пройдешь сѣни, если, конечно, за сундуки не зацѣпишься и шею не свернешь, будеть кухня: налѣво шкапъ, противъ шкапа русская печь съ розовою занавѣскою, направо, у окна, залавокъ, посреди дверь въ спальню. И вездѣ, по всѣмъ угламъ, у печки, за шкапомъ, у залавка черстыя хлѣбныя корки сложены. Зачѣмъ понадобилось Агапевнѣ черстыя корки копить, Богъ ее знаетъ.

Бѣда съ Агапевною! А вѣдь какъ старается старая, изъ кожи лѣзетъ, изъ послѣднихъ своихъ клячныхъ силъ трудится, лишь бы только угодить своему соколу — Ивану Семеновичу: ходить за нимъ, какъ за малымъ дитемъ, и чтобы сердце его не унуло, охотно сказала бы сказку, да память плоха — годы отшибли, и пѣсню бы спѣла, да голосу нѣту, и что хочешь, — проплясала бы, заплела бы плетень, завилась бы выюномъ, вывернулась, да старыя кости — ноги не слушаютъ, все бы вынесла — грубое слово, только бы изъ его сахарныхъ устъ, нелюбый взглядъ,-

только бы изъ его свѣтлыхъ глазъ, принялъ бы на-
прасную смерть, только бы отъ его бѣлыхъ рукъ, а
помреть Стратилатовъ, такъ она къ нему, къ покой-
нику, какъ къ мощамъ, приложится, и не тлѣніе, благо-
уханіе отъ его смраднаго трупа послышится ей и, кто
знаетъ, исцѣленіе себѣ получить, да и другому неду-
жному здоровье вымолитъ. Ей Богу, заставь Иванъ
Семеновичъ Агапевну по собачьему лаять, либо пѣту-
хомъ пѣть, не заперечитъ: взвизгнетъ, залаетъ шавкою,
пѣтухомъ прокричитъ, но отъ этого ничуть не легче.
Бѣда съ Агапевною!

Въ прежнее-то время старуха и пироги пекла, а
нынче ослабла, ничего не можетъ: того не доглядить,
другое упустить, третье не досмотрить, только мышей
разводить.

Хорошо еще, что Иванъ Семеновичъ не взыска-
теленъ — ему одно: побольше чтобы всего было, да
понаваристѣе, а, тараканъ-ли во щахъ плаваетъ или лав-
ровый листъ, это ему все равно. Да еще хорошо, что
строгій онъ постникъ, всѣ четыре поста соблюдаетъ:
и великий посты, и петровъ, и госпожинки, и филиповки,
всѣ двѣнадцать пятницъ, и въ среду, и въ пятницу, и
даже понедѣльничаетъ.

— Вотъ, старуха, — скажетъ другой разъ Иванъ
Семеновичъ, — мало ты дѣлаешь, а вѣдь хлѣбъ-то
ѣшь.

- Такъ, батюшка,
- Много ты єшь хлѣба.
- Такъ, батюшка,
- Чаю пьешь много.
- Такъ, батюшка.
- Ты хоть бы тазъ вычистила.
- Хорошо, батюшка.

Въ жаркіе дни, передъ обѣдомъ, не столько отъ
жары, сколько для удовольствія, Стратилатовъ обли-
вался колодезною водою около грядокъ; грядки про-
тивъ кухоннаго окна, въ церковной оградѣ, тамъ же и
колодезь.

Раздѣвшись въ кухнѣ весь до-нага и запасшись
соленымъ огурцомъ, Иванъ Семеновичъ вылѣзаетъ въ
окно и, обойдя грядки, становится подъ ракитою.
Агапевна съ тазомъ вскарабкивается на табуретку, и
начинается омовеніе. И во все времена, пока бѣжитъ

вода на его распаренную, смазанную деревяннымъ ма-
сломъ, румяную плѣшь, ъсть Иванъ Семеновичъ со-
леный огурецъ, вѣруя, что съ его помощью не при-
льеть кровь къ головѣ, и солнца бояться нечего.

Предусмотрительность совсѣмъ не лишня: солнце
какъ разъ въ эту самую минуту призадерживалось, по-
дымало свой осовѣлый, зноный глазъ, жаркое, замирало
прямо надъ Иваномъ Семеновичомъ, залюбовав-
шись-ли на него, а онъ, по-истинѣ, быль великолѣ-
пенъ во всей своей красѣ съ соленымъ огурцомъ во
рту, или завидя ему, а удовольствіе, испытываемое
Стратилатовымъ, было столь велико, что лопухатыя,
заостренныя кверху уши его блестѣли.

Рѣдко, однако, обходилось удовольствіе безъ не-
пріятныхъ послѣдствій, но не солнце — отъ него огу-
рецъ защита, причина — Агапевна: то выскользнетъ
тазъ изъ ея трясущихся рукъ, то воду прольетъ мимо,
то себя обольетъ, то скувырнется съ тазомъ на земь.

— Ты, Агапевна, хоть бы попрактиковалась, —
скажетъ въ досадѣ Иванъ Семеновичъ, — зря только
воду льешь, еще всемірный потопъ сдѣлаешь.

И вотъ изъ преданности ли, не смѣя ли ослушаться
приказаний, или изъ страха всемірного потопа, Ага-
певна практиковалась: протаскивала она черезъ окно
порожнюю кадушку изъ подъ капусты, ставила ее подъ
ракиту, гдѣ Иванъ Семеновичъ становился, вскарабки-
валась съ тазомъ на табуретку и поливала. Но путна-
го изъ этого ничего не выходило: кадушка обливалась
исправно, а Ивану Семеновичу не такъ еще давно чуть
было голову тазомъ не проломила.

— Наказаніе мнѣ сѣ тобою, старуха! — скажетъ
другой разъ Иванъ Семеновичъ.

— Такъ, батюшка.

— Крестъ ты мой.

— Такъ, батюшка.

— Ты хоть бы комнаты провѣтрила, не почтово-
телеграфное отдѣленіе.

— Хорошо, батюшка.

Обѣдаеть Иванъ Семеновичъ въ гостиной.

Кухня, спальня, гостиная — такъ идутъ комнаты.
Гостиная — самая парадная, и кажется, нѣть въ ней
свободнаго уголка, вся она заставлена и завѣшана.

По стѣнамъ масляные картины и гравюры въ большихъ старинныхъ рамахъ, акварели, миниатюры, гобелены и на всѣхъ картинахъ и гравюрахъ — красавицы и всѣ, какъ наподборъ, въ соблазнительной своей натурѣ. Одно исключение — портреты царей. Есть и другія картины, но онѣ стоять повернуты лицомъ къ стѣнѣ, это тѣ, гдѣ отсутствуютъ дамы. И такъ много смотреть всякихъ красавицъ, что сразу не разберешь, гдѣ лицо, гдѣ принадлежность, самъ же Стратилатовъ знаетъ каждый мизинчикъ, каждую ямочку, каждое родимое пятнышко и любовно даетъ объясненія о любой, такія милыя и игривыя, выражаясь по своему, возвышенно, стихами рукописными.

По словамъ Ивана Семеновича, если бы возможно было, онъ обратилъ бы всѣхъ красавицъ въ перочинный ножикъ, и положилъ бы себѣ въ карманъ, чтобы были неразлучны онѣ съ его сердцемъ, или обратиль бы ихъ въ нарядныхъ куколъ, чтобы играть съ ними, держа всегда у груди.

Какъ только очухаешься отъ картинъ, выступять передъ тобою и другіе предметы. Налѣво отъ двери большой сундукъ, полонъ набитый книгами, отъ сундука по стѣнѣ витрина съ монетами — монеты рядкомъ лежать по зеленому полу и все рѣдкія, прекрасной сохранности, всѣ же истертыя — слѣпья у Стратилатова ходко идутъ на любителя, ну хоть тому же сосѣду Тарактееву, отъ витрины до угла столъ съ портфелями, въ портфеляхъ гравюры на мѣди, другихъ Стратилатовъ не держитъ, и, конечно, всѣ рембрандтовскія, въ углу икона Спасителя — Грозный и Страшный Спасъ. Направо отъ двери горка съ саксонскимъ фарфоромъ, отъ горки по стѣнѣ столъ, на столѣ старинные ларчики, миниатюры и дешевые соблазнительные открытки, подъ столомъ довольно увѣсистая укладка, величинаю въ обхватъ, полная серебра и украшений, по бокамъ стола два вѣнскихъ стула; къ углу шкатъ красного дерева. Шкатъ особенный съ драгоценностями: тутъ и чашки бѣлые, какъ сахаръ, съ маленькими розовыми, зелеными цвѣточками, и хрусталь съ вензелемъ червонаго золота, чернильница въ видѣ императорской короны — подарокъ гимназистки Яковлевой, которую, какъ признавался самъ Иванъ Семеновичъ, ровно три года соблазняль онъ и ничего не до-

бился, печать Стратилатова, изображающая какъ бы нѣкій перстъ, окруженный надписью: отъ онаго свое начало все воспріяло, наконецъ, золотыя туфельки и старинная чашка въ видѣ яйца на курьихъ ножкахъ съ золотымъ крыломъ вмѣсто ручки, эту чашку Стратилатовъ никому не даетъ, бережетъ пуще глаза, потому что изъ нея его мать чай пила. На шкату приходо-расходная книга, куда Иванъ Семеновичъ записываетъ и еженедѣльно подсчитываетъ расходъ свой на милостыню нищимъ, на дверцахъ шкапа старинный оберни-бѣсовскій галстукъ съ кистями. Въ углу икона Божьей матери — Всѣхъ Скорбящихъ Радости, между иконою и шкапомъ старинное оружие.

Гордость же Стратилатова — овальное зеркало съ овальными углубленіями, шестнадцать разъ отражаетъ.

— Купцы въ ногахъ молили, предлагали сто рублей, не взяль! — гордился Иванъ Семеновичъ непродажнымъ своимъ сокровищемъ.

Зеркало висить между оконъ, выходящихъ къ всѣхъ-святскому алтарю, окруженному могильными крестами, передъ зеркаломъ столъ, по бокамъ по стулу, а посерединѣ кресло съ орлами.

Тутъ, усѣвшись на царское кресло между двумя неугасимыми лампадами у Спасителя и Богородицы, передъ чудеснымъ завѣтнымъ зеркаломъ, отражаясь шестнадцать разъ, обѣдаетъ Стратилатовъ.

Кончится обѣдъ, разоблачится Иванъ Семеновичъ — бережно сниметь съ себя сѣрый люстриновый пиджачекъ, скинетъ долой сапожищи, шваркнетъ ихъ въ уголъ и на боковую. Ложится Стратилатовъ, ложится и Агапевна.

Спальня между гостиной и кухнею — проходная, по стѣнѣ къ кухнѣ — лежанка, возлѣ лежанки колченогая желѣзная кровать съ продавленнымъ тюфякомъ и промасленною, какъ блинъ, подушкою. На лежанкѣ спить Агапевна, на кровати Иванъ Семеновичъ.

Тихо и безмятежно спить Стратилатовъ. Глубокій крѣпкій сонъ непробудно завѣялъ его легкими крыльями, и кажется, прекращается въ немъ все теченіе жизни, наступало, какъ выражается всѣхъ-святскій дьяконъ Прокопій, всеобщее естества усыпленіе.

Сны Стратилатову снятся рѣдко, а если ужъ надо присниться, то непремѣнно такие дурные, хоть и вовсе

спать не ложись. Три сна особенно мучили и изводили Ивана Семеновича.

Снится ему, будто ъдетъ онъ въ золотой колымагъ Императрицы Елизаветы Петровны, на немъ сѣрый люстриновый пиджачекъ, на головѣ императорская корона и сидитъ будто онъ, развались, на высокихъ подушкахъ. Въ окна мелькаютъ дома съ вензелями и вездѣ одно имя, его имя — Стратилатовъ, бѣжитъ народъ за колымагою, кричать ура, а онъ себѣ сидитъ, развались на высокихъ подушкахъ, ничего не думаетъ, ничего не желаетъ — блаженствуетъ, ура, Стратилатовъ! Но вотъ, какъ сворачивать колымагъ на мость къ бабьему базару, чья-то рука внезапно вытаскиваетъ его черезъ окно и на морозъ. Нѣть лошадей, а его, Стратилатова, въ сѣромъ люстриновомъ пиджачкѣ и въ императорской коронѣ, впрягаютъ въ стопудовое дышло и давай погонять. Жилится Иванъ Семеновичъ, трется о стопудовое дышло, весь бокъ облупиль, падаетъ, опять подымается, выбился изъ силъ, а колымага ни тпру, ни ну. И нападаетъ на него невыразимый ужасъ, начинаетъ кричать и кричитъ благимъ матомъ.

А другой разъ снится ему, будто сидитъ онъ въ своемъ царскомъ креслѣ передъ чудеснымъ зеркаломъ и, отраженный шестнадцать разъ, любуется на себя и вдругъ замѣчаетъ, что носъ его скосился на сторону и ужъ не узнаетъ себя: одна ноздря маленькая, меньше игольного ушка, другая огромная, шире шапки — горло сквозь ноздрю видно. И опять отъ ужаса кричитъ.

Третій сонъ самый страшный, страшнѣе колымаги и носа. Снится ему, что онъ маленький и жива покойница мать. Матери будто недосугъ: надо тѣсто ставить, блины печь и не ходячи е, а жилые блины, какъ на поминкахъ. И вотъ уложила она его въ ящикъ, плотно накрыла крышкою и понесла на погребъ и тамъ закопала въ землю. „Ночь обночуешь, а на утро возьму!“ — и ушла. Лежитъ онъ въ ящикѣ — тѣсно, не перевернуться и бокъ колеть и отъ сырости съ крышки капаетъ на лицо, а утереться нельзя — невозможно руку поднять. А капли холодныя, тяжелыя, упала одна на переносицу, потекла по носу да въ ротъ, а за ней другая. Бого родица, Дѣво, радуйся, хочетъ выговорить Иванъ Семеновичъ и вмѣсто Бого родицы начинаетъ изъ Гавриліады: Въ шест-

надцать лѣтъ невинное смиренье... И въ ужасѣ кричитъ, и кричитъ и знаетъ, что глубокъ погребъ — не услышать голоса, да само нутро кричитъ.

И всѣ эти страшные сны снились ему почему-то подъ двунадесятые праздники, въ простые же будніе дни обыкновенно ничего не снилось.

Тихо и безмятежно спитъ Стратилатовъ. Глубокій крѣпкій сонъ завѣяль его легкими крыльями и, кажется, прекращается въ немъ все теченіе жизни, наступало, какъ выражается всѣхсвятскій дьяконъ Прокопій, всеобщее естества усыпленіе.

Но вещамъ не до сна въ этотъ послѣобѣденный часъ, и онѣ начинаютъ свою вечернюю жизнь, пока еще не погасъ свѣтъ.

По лѣвой руку отъ лежанки книжныя полки съ журналами — журналы перевязаны полными комплектами и расположены по ихъ важности: Историческій Вѣстникъ, Русская Старина, Русскій Архивъ и въ самомъ низу Вѣстникъ Европы, Русская Мысль. На полкахъ впереди книгъ табакерки и опять дешевыя открытки соблазнительныхъ красавицъ вперемежку съ видами святыхъ мѣстъ. Противъ кровати книжный шкапъ до двери, надъ дверью двѣ олеографіи: на одной нимфа, сидящая на деревѣ, на другой Серафимъ Саровскій съ медвѣдемъ. И опять книжный шкапъ и комодъ съ гравюрами, гравюры на мѣди и, конечно, всѣ рембрандтовскія, и тутъ же всевозможныя душеспасительныя картинки, которыми одаряется по субботамъ сторожъ Лукьянъ. Между шкапомъ и комодомъ передъ окномъ подставка, на подставкѣ гипсовый рыцарь съ мушкетомъ и въ латахъ.

Лукаво глядяты съ открытою красавицы:

„Иванъ Семеновичъ, — подмигаютъ красавицы, — встань! — и смыаются, какъ бѣсята, все черноглазыя, подзадаривають красавицы, — ну же, плѣшня, да встань!“ — и одна за другою потупляются, какъ Танька Меринъ какая въ Денисихѣ.

И наклоняется съ дерева нимфа, протягиваетъ пальчикъ:

„Стратилатовъ, я — пришла!“

И выходятъ святые отцы, праотцы, великомученики, преподобные, великие чудотворцы изъ огненныхъ срубовъ и тихихъ келій съ медвѣдемъ и благословляютъ его:

„Мы станемъ тебѣ въ помошь!“

А гипсовый рыцарь съ мушкетомъ и въ латахъ не сводить своихъ бѣлыхъ упорныхъ глазъ.

Напрасно! сномъ праведника спить Иванъ Семеновичъ, ничто не расшевелить его, ничто не тронеть. И если бы сама синяя страшная тетрадка, втиснутая въ уголъ шкапа между Скитскимъ покаяніемъ и Любовью — книжкою золотою, обойдя сторонкой Похожденіе Ивана Гостиннаго сына, Прихожую повариху, стихотворенія Нелединскаго-Мелецкаго, Батюшкова, Подолинскаго, Кольцова, Некрасова и другія любимыя книги и, проправвшись сквозь ненавистнаго ему Толстого, презираемаго имъ Гоголя, умунепостижимаго Достоевскаго и другихъ подобныхъ сочинителей, вылѣзла бы изъ шкапа, развернулась бы — страшная Гаврилада, любимая и ненавистная, завѣтная и проклятая, да и та не подняла бы его изъ тихаго безмятежнаго сна.

Утихаєтъ вечерняя заря, всѣ предметы колеблются, какъ пьяные, и доносить вѣтеръ звонъ со старыхъ звонницъ и колоколень. Отдается, парить звонъ, колоколь съ колоколомъ перекликается — зазвонный, праздничный, буревой, гудъ-колоколь, и плыветъ изъ-за Волги крылатый и плавный лебедь-колоколь. И вдругъ какъ ударять въ чугунную доску — задребезжитъ звонило, инда въ вискахъ треснетъ, и ужъ не колоколь — Божій гласъ, это гонять стадо съ полей — разревѣлся быкъ, ржетъ кобылица, звякаетъ глухарь, гремить гремокъ, звенять бубенцы, раззвенѣлись бубенчики и сквозь звякъ и ревъ свистить на ухо птица, свистить-пересвистываетъ, экая глупая!

Съ остервенѣніемъ, оглушенный свистомъ, вскакиваетъ Стратилатовъ на ноги, протираетъ слившіеся мутные глазки, крестится:

— Господи, воззвахъ! — и, сплюнувъ на расхрапѣвшуюся Агапевну, снова завалится на продавленную теплую кровать, — ну еще посплю маленько!

И спить тихо и мирно плотнымъ крѣпкимъ сномъ.

— Вотъ, Борисъ Сергеевичъ, — не разъ жаловался Иванъ Семеновичъ своему пріятелю Зимареву, — старуха у меня Агапевна убийственно храпитъ, точно фельдфебель, не могу выносить: у меня сонъ тонкій.

будкій, вообще люди образованные не могутъ этого переносить.

Но что подѣлаешь, тутъ и самъ Зимаревъ, даромъ что помощникъ секретаря и всякую древность опредѣлить можетъ, и годъ и число ей скажеть, да противъ природы и онъ безсиленъ. Противъ природы не пойдешь!

— Ты, старуха, хлѣба много Ѳшь, — примется выговаривать Иванъ Семеновичъ.

— Такъ, батюшка.

— Это отъ хлѣба.

— Такъ, батюшка.

— На меня еще подумають и пойдетъ худая слава: хорошошъ, скажутъ, чѣмъ занимается!

— Такъ, батюшка.

— Тебѣ грѣшно будетъ, вѣдь это смертный грѣхъ!..

Ты хоть бы попридержалась.

— Хорошо, батюшка.

И вотъ изъ преданности ли, не смѣя ли ослушаться приказаний, или изъ страха смертнаго грѣха, пробовала старуха попридерживаться. И минуту — другую еще кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ стерпить, за то ужъ послѣ какъ пустить — такой храпъ, такой свистъ, у сосѣда Тарактеева каменный домъ, и то слышно!

Бѣда съ Агапевною, и смѣхъ, и грѣхъ.

— Агапевну я рѣшилъ разсчитать, — опять жаловался Стратилатовъ своему пріятелю Зимареву, — выдумала старая: съ печки сверзилась, по прямой дорогѣ итти не можетъ, лѣзла на лежанку, свалилась, чуть меня не зашибла, съ этакой высоты!

И, вѣчно жалуясь и зарекаясь по конецъ вѣку своему, не станеть онъ держать Агапевну, Иванъ Семеновичъ все-таки и представить себѣ не могъ, какъ бы разстался онъ со старухою. Нѣтъ, Агапевна прижилась къ дому. Агапевну всѣ углы знаютъ и Агапевна все знаетъ, что надо ея барину Ивану Семеновичу. Разстаться съ нею такъ же трудно и, кажется, просто невозможно, какъ трудно и невозможно покинуть низенькія крохотныя комнаты дьяконскаго дома, гдѣ похоронилъ онъ свою мать, женился и гдѣ, какъ и всѣ люди, хотѣлъ бы современемъ Богу душу отдать. И

если бы даже подъ сердитую руку, выведенный изъ себя и, можетъ быть, дѣйствительно оскорбленный, прогналъ бы ее, то все равно, на другой, ну на третій день, а ужъ непремѣнно бы хватился, вышелъ бы вотъ такъ въ сумерки на крылечко и покликалъ бы:

— Агапевна!

— Я, батюшка.

Бульваръ — мѣсто общественнаго гулянья. На бульварѣ Стратилатовъ свой человѣкъ. Съ препятствіями или спокойно и ровно, но всякий день, выспавшись послѣ обѣда до семи, въ семь отправляется Иванъ Семеновичъ гулять на бульваръ.

Порасправившись на свѣжемъ воздухѣ, усаживается онъ гдѣ-нибудь на скамейку между рестораномъ и эстрадою, и сидитъ, развались, какъ на тѣхъ предательскихъ высокихъ подушкахъ золотой колымаги Императрицы Елизаветы Петровны, и не шелохнется, мѣеть и насвистываетъ, помахивая передъ собою тросточкою, въ пріятномъ ожиданіи съ одною мыслью: не пора ли чай пить?

Проходящимъ по боковой аллѣѣ видна его сѣрая жокейская шапочка съ пуговкою да лопухатыя заостренныя кверху уши, беспокойно вздрагивающія всякой разъ на шорохъ женскаго платья.

Не то въ воскресенье, когда вечеромъ на бульварѣ играетъ музыка. Музыка трогаетъ Стратилатова до слезъ, отъ музыки онъ впадаетъ въ ражъ, минуты, кажется, не посидитъ спокойно, а если и присядеть, то сейчасъ же встанетъ и пошелъ ходить. И что хочешь сдѣлай, хоть ножомъ рѣжь, бѣгаешь взадъ и впередъ. Къ мысли о чаѣ: не пора ли чай пить? присоединяется пробужденное подъ музыку въ его неугомонномъ сердцѣ неутолимое желаніе, о которомъ онъ высказывается лишь въ трогательныя минуты дружескихъ изліяній и которое ничѣмъ не выгубишь: найти среди гуляющихъ такую молодую хозяйственную дѣвицу, которая полюбитъ его безкорыстно.

И онъ бѣгаешь, какъ сумасшедшій, будто безглазый, въ своихъ темныхъ очкахъ, какъ-то носомъ, что ли,

высматривая въ нарядной примелькавшейся толпѣ ту, которая полюбить его безкорыстно, выкликая ее и вышептывая.

Когда сгущаются сумерки и зажигается, затѣйливо повѣшенная на проволокѣ между рестораномъ и эстрадою, знаменитая лампочка, бульваръ оживаетъ. Набираются шумно городскіе сорванцы и гуляки, и за крикливую сворою по слѣдамъ ея входитъ что-то подозрительное и скандальное, и бульваръ принимаетъ ту вечернюю воскресную выпреку, которая сулитъ мордобой и участокъ. Одобренія и неодобренія начинаютъ высказываться такъ громко и беззастѣнчиво, что хоть карауль кричи — тутъ кавалеръ какой-то бросилъ барышнѣ на колѣни заженную бумажку и та завизжала, словно перерѣзали ей горло, тамъ другой кавалеръ ушипнулъ незнакомую даму, и опять крикъ. Крики, хототъ, смѣшки, шутки, шалости и дурачество.

Стратилатовъ втирается въ самую толчью и, окруженный молодежью: писарями, канцеляристами и всякой мелочью, балагуритъ на свою излюбленную тему, дойдя до крайности въ неистовствѣ своеемъ, ржетъ.

Но и въ неистовствѣ своеемъ подъ разгонную отчаянную музыку осипшихъ инструментовъ, подъ пьяные выкрики изъ ресторана, подъ обрывки визгливыхъ куплетовъ надоѣдливыхъ, повторяющихся и какихъ-то прощающихъ въ родѣ тѣхъ, что поются у насъ изъ году въ годъ —

а это затменіе было въ кабакахъ,
а это затменіе было въ кабакахъ...

— среди всего этого пропаща го затменія и искрою пробѣгающаго тутъ и тамъ самаго безобразнѣйшаго скандала, Стратилатовъ и въ черной толпѣ ищетъ среди гуляющихъ ту, которая полюбить его **безкорыстно**, выкликая ее и вышептывая.

— Я кавалеръ, — говорить про себя Стратилатовъ, когда въ понедѣльникъ начинаютъ въ судѣ прохаживаться на счетъ какого-нибудь бульварного происшествія, — я не позволю себѣ, не бриторылый лоботрясь, не мальчишка я, Забалуева сынъ, Забалуевъ.

Нагулявшись вдосталь на бульварѣ, къ десяти возвращается Иванъ Семеновичъ домой чай пить.

Стратилатовъ любить чаю попить, и пьеть его
помногу, не спѣша, крѣпкій, какъ чернила, съ панскими
вареньемъ, а чаще съ медомъ — съ липовымъ
протопоповскихъ пчелиныхъ сотовъ о. Пахома. Если
случится гость, онъ всегда радъ гостю, предложитъ
стаканъ, угостить, потолкуетъ, покажетъ рѣдкости и
честь-честью проводить до двери. Гости долго у
Стратилатова не засиживались: напился чаю и ступай.

За самоваромъ, какъ выходить седьмому чайному
поту, появляется музыка: Стратилатовъ на гитарѣ ма-
стеръ, да и пѣть, хоть голосъ не ахти какой, худо-не
худо, поеть съ чувствомъ, съ толкомъ и страстью.

гляжу какъ безумный на черную шаль,
и хладную душу терзаетъ печаль...

— поеть Стратилатовъ, бренчитъ гитара.

Съ умиленiemъ слушаетъ Агапевна.

— Что, хорошо?

— Хорошо, батюшка, ужъ такъ хорошо, страсть
какъ.

— То-то.

что онъ ходить за мной,
всюду ищетъ меня
и, встрѣчаясь глядить
такъ лукаво всегда ?...

— поеть Иванъ Семеновичъ, бренчитъ гитара.

Слушаетъ Агапевна, пригорюнилась старая, слеза
прошибла, плачетъ.

— Что хорошо?

— Ужъ такъ хорошо, страсть какъ.

— То-то.

Въ будніе дни пѣнію удѣляетъ Стратилатовъ малый
 срокъ — въ будни дѣла, да и не время, за то въ

воскресенье ужъ сколько душъ угодно и до прогулки и послѣ прогулки — весь день, будто въ радости, поетъ пѣсни.

Наверстываетъ ли суббота, а въ субботу, отстоявъ всенощную и не заходя домой, отправляется онъ на бульваръ, съ бульвара въ Денисиху — въ Денисихъ такіе дома беззаконія — и, пробывъ тамъ часъ, другой, прямо ложится въ постель, или еще по какой никому невѣдомой причинѣ, только въ воскресенье послѣ заутрени въ Прокопьевскомъ и поздней обѣдни въ Зачатьевскомъ пѣнію конца нѣть. И если ужъ сравнить, то не въ обиду будь сказано, соловьемъ заправскимъ, курскимъ соловьемъ заливается Иванъ Семеновичъ, и весь домъ всѣхсвятского дьякона, словно лѣсь по веснѣ, оглашается пѣніемъ. Безпрепятственно, какъ по указу, проникаетъ пѣсня за стѣнку къ надзирателю и вьется ласточкою у Всѣхсвятского алтаря надъ могильными крестами.

- Что, хорошо?
 - Хорошо батюшка, ужъ такъ хорошо, страсть какъ.
 - То-то.
-

Кромѣ Агапевны, одно время непремѣннымъ слушателемъ стратилатовскихъ пѣсонопѣній состоялъ нѣкій художникъ изъ Петербурга, говорившій на пяти языкахъ, какъ самъ о себѣ славилъ.

Появился этотъ Шабалдаевъ или, шутъ его знаетъ, какъ его по настоящему, нежданно-негаданно, и прямымъ путемъ съ пристани къ Стратилатову. Похвалилъ его рѣдкости, удивился его познаніямъ и начитанности, вкусу и соображенію и расположилъ такимъ образомъ. Похвалой и города беруть! А кромѣ того, хоть и не обидѣлъ Богъ художника, далъ ему росту, но во всемъ прочемъ пренебрѣгъ — видѣлъ совсѣмъ не художествен-

ный, гунявый какой-то, жалкій, ну, пиджачишко, правда, франтоватый и воротнички и малиновый бархатный жилетъ, да все такое поистертое и поистрепанное, подъ мышкою портфель съ картинами.

Русскій человѣкъ жалостливъ, разжалобился Иванъ Семеновичъ. А тотъ лисицей.

„Я, — говоритъ, — не потѣсню васть: самъ лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а портфель подъ печку.“

И оставилъ его ночевать. Ночь переночеваль, а ужъ тамъ, метлами гони, не уходитъ. Такъ и водворился.

А прожилъ недѣлю — другую, обжился, обтерпѣлся, оправился — брехунъ и хвастунъ, за милую душу обойдетъ и въ дураки поставитъ, и такой плутъ — такъ и лѣзеть въ ухо, вотъ какой художникъ!

Иванъ Семеновичъ на службу, а тотъ себѣ по городу шастать, будто картины писать и, хоть никогда кисти въ рукахъ не держаль — въ портфель-то оказались однѣ картинки, вырѣзанныя изъ Нивы, а всетаки за художника его всѣ принимали.

Народъ у насть робкій и опасливый.

Стратилатовъ, однако, скоро раскусилъ своего со-жителя и большое находиль удовольствіе выводить его на свѣжую воду, а кстати и поиздѣваться.

Хвасталь, напримѣръ, художникъ, будто на пяти языкахъ говорить можетъ, да похвальбой не города братъ — похвальба хлопушка, хлопнуль и нѣть ничего, оказалось вѣдь ни уха, ни рыла ни въ чемъ не смыслить, кроме развѣ брехни своей дурацкой. Хоть и правда говорится, что брехнею свѣтъ пройдешь, а поставить ему Иванъ Семеновичъ какой-нибудь вопросъ по русской исторіи — въ какомъ, моль, году Тушинскій воръ короновался, или чтобы перечислить всѣхъ бывшихъ на Руси скопцовъ митрополитовъ, — тотъ и начнетъ вилять, и сколько ни ссылается на какую-нибудь тамъ княгиню Конкратову, у которой онъ будто бы принятъ, какъ свой человѣкъ, да на свои знакомства со всякими петербургскими сановниками, художниками и писателями, припертый къ стѣнкѣ, въ концѣ-то

концовъ прикусить языкъ. Гнать бы его тутъ и въ хвостъ и въ голову вмѣстѣ съ его портфелемъ, но Иванъ Семеновичъ не гналь, а держалъ при себѣ и большое находилъ удовольствіе, затѣвая споры, выказывать свое превосходство.

Ужъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ Стратилатовъ говорилъ ему ты, затѣмъ стригъ его, причемъ выдѣлывалъ самыя различные прически отъ языческой — язычникомъ, котораго св. Владиміръ крестилъ, и католической, выстригивая всю лѣвую половину, а къ правой не прикасаясь, или наоборотъ лѣвую не тронетъ, а правую на-голо всю выбреТЬ, до французской по картинкѣ, подъ какого-нибудь графа Де-ла-Барта или прямо подъ Наполеона, и всегда таскалъ съ собою на прогулку.

— Для оттѣнка вожу, — пояснялъ Иванъ Семеновичъ, — дѣвицы посмотрять, сравнять, кто лучше.

Спалъ художникъ въ гостиной на сундукѣ — портфель подъ голову, за одѣяло пальто, а вмѣсто подстилки какія-то ватошныя вещи Агапевна доставала. Всякій разъ, отходя ко сну, Иванъ Семеновичъ снашала крестиль его, затѣмъ напутствовалъ и всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ:

— Ты смотри, шутъ гороховый, внизу то-то тамъ книги, а вѣдь ты слабый человѣкъ, взять съ тебя нечего!

Съ годъ прожилъ художникъ у Стратилатова, сопровождая своего благодѣтеля на прогулкахъ и слушая его пѣніе. И вѣдь до чего дошелъ человѣкъ, тамъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ, можетъ-быть, и вправду втиралъ очки тѣмъ же сановникамъ, писателямъ и художникамъ — мало ли дураковъ на земномъ шарѣ! — да и тутъ крутиль и всѣ его какъ-то опасались, а передъ Стратилатовымъ въ бараний рогъ согнулся. Вздумалось Ивану Семеновичу, чтобы величалъ онъ его не иначе, какъ деспотомъ — деспотъ, молъ, Иванъ Семеновичъ! — такъ и противъ этого не возсталъ.

— Познай грѣхъ свой и безуміе, мошенникъ, — скажеть, бывало, Стратилатовъ, — я твои всѣ пять языковъ покорю.

— Покоряйте, деспотъ Иванъ Семеновичъ, воля ваша.

— Въ тюрьму тебя засадить, шельмца, въ подтюрьмокъ.

— Сажайте, деспотъ Иванъ Семеновичъ, воля ваша.

— Потрясешь тамъ своими бубенчиками, жульникъ. Художникъ и на это — на все соглашался.

Такое послушаніе объяснялось очень просто: вѣдь какъ-ни-какъ, а благодаря Стратилатову быль у художника и даровой ночлегъ и столъ, — обстоятельство очень важное, и при нуждѣ изъ-за одного этого на все пойдешь. Ну куда бы онъ безъ гроша сунулся, кто-бѣ его пустилъ къ себѣ съ его дурацкимъ портфелемъ? Правда, мѣста не пролежить, да вѣдь по нынѣшнимъ временамъ всякаго оторопь возьметъ: а что если въ портфелишкѣ-то не картины, а разрывная бомба или какой гремучій студень запрятанъ?

Народъ у насъ робкій и опасливый.

Какъ нежданно-негаданно появился этотъ Шабалдаевъ или шутъ его знаетъ, какъ его по настоящему, такъ и исчезъ внезапно. Полюбился онъ члену суда — быль такой пьянчушка членъ въ нашемъ судѣ Просвирнинъ, а полюбился за то, что пьетъ здорово и просить себя не заставить, такъ рюмка за рюмкой безъ закуски. Пили они разъ у Бархатова и напился этотъ членъ до упаду, брякнулся съ пьяну на земль и сталъ на четвереньки, никакъ не можетъ подняться, хоть ногой въ участкѣ. Довель его художникъ до квартиры, получилъ въ благодарность сто рублей взаймы, да и быль таковъ. И сколько ни искали, — ни тѣла, ни костей его не нашли.

Всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ Стратилатовъ своего сожителя и никакого дѣла ему не было, что сожитель-то вовсе и не художникъ, какъ впослѣдствії оказалось по справкамъ, и не сыскной агентъ, какъ рекомендовалъ самъ себя полиціймейстеру Жигановскому, а вообще личность темная и притомъ турецкій подданный. Все равно, турецкій подданный или художникъ,

изъ Петербурга онъ или изъ Риги, безразлично, вѣдь больше ужъ не было никого подъ рукою Стратилатова, кто-бы, кромѣ Агапевны, такъ внимательно слушалъ его пѣніе, не было человѣка, передъ кѣмъ можно было бы такъ легко развернуться во всю и безотпорно.

Не такъ давно сдружился было Иванъ Семеновичъ съ регентомъ Ягодовымъ, и большого далъ маxу, ужъ думаль, и живъ-то не будетъ и небо-то ему съ овчинку показалось тогда, — попалъ въ просакъ, что говорить.

Не хуже того художника, какъ снѣгъ на голову, свалился Ягодовъ въ нашъ городъ и сразу всѣхъ съ толку сбилъ. Его визитная карточка, ходившая по рукамъ, производила на всѣхъ весьма сильное впечатлѣніе.

Композиторъ церковныхъ пѣснопѣній, санкционированный Святѣйшимъ Синодомъ, имѣющій знаки отличия и прочая А. К. Ягодовъ.

Вотъ она какая карточка!

— Шутка ли, санкционированный святѣйшимъ синодомъ!

— Пять золотыхъ медалей имѣеть!

— Достали таки мы себѣ человѣка!

— Сто двадцать пудовъ однѣхъ нотъ привезъ!

Такъ и этакъ разсказывалось на всѣхъ перекресткахъ. Потирали руки отъ удовольствія: церковное пѣніе у насъ любятъ и регентами дорожатъ.

Обойдя достопримѣчательности города, послѣ монастырей Прокопьевскаго и Зачатьевскаго, послѣ бульвара и трактира Бархатова, регентъ зашелъ къ Стратилатову. Явился онъ весь въ медаляхъ, показалъ свою визитную карточку и воспламенилъ Ивана Семеновича. Забренчала гитара, пошло пѣніе: пускай, дескать, умный человѣкъ голосъ попробуетъ! — такъ думаль Стратилатовъ. И не ошибся: регентъ слушалъ внимательно, прослушалъ нѣсколько пѣсенъ и, снова для внушенія, должно быть, показавъ свою карточку, одобрительно потрепалъ по плѣши Ивана Семеновича.

— Не великъ у васъ голосъ, — сказалъ регентъ, — потому что не работали надъ развитіемъ голосовыхъ связокъ, вторымъ теноркомъ пѣть можете.

И съ тѣхъ поръ повадился таскаться къ Стратилатову и все будто пѣніе слушать. Слушалъ не больно охотно и сколько разъ даже прекратить просилъ, а между тѣмъ, подъ предлогомъ развитія голосовыхъ связокъ, требовалъ себѣ вознагражденія. Иванъ Семеновичъ не ласково, но все-таки давалъ регенту двадцать одну копѣйку, ровно на косушку безъ посуды, а затѣмъ стала отвѣливать и вовсе отказалъ. Но не въ этомъ заключалась вся бѣда регентскихъ постѣщеній, Богъ съ нимъ, съ вознагражденіемъ, — изрѣдка, ну разъ въ мѣсяцъ, Иванъ Семеновичъ, пожалуй, и даль бы двадцать-то одну копѣйку, не разорился бы, не въ этомъ дѣло: регентъ всякий разъ смущалъ его своими разговорами и наводилъ на грѣхъ.

Въ одно изъ первыхъ регентскихъ постѣщеній Стратилатовъ, выкладывая передъ гостемъ всю свою ученье, заговорилъ о Пушкинѣ. Регентъ же помнилъ всего-на-всего одну Птичку, но не пушкинскую, а которую еще въ школѣ пѣлъ: Ахъ, попалась птичка, стой! — да и ту на половину, въ чемъ не преминулъ чистосердечно признаться. И все это оказалось кстати и въ пору — вѣдь Стратилатову только того и надо: желая показать свое превосходство, принялъ онъ на Пушкина, наскажалъ стиховъ много и все, какъ самъ выражался, эротическихъ.

— Пушкинъ, — сказалъ въ заключеніи Иванъ Семеновичъ, — хорошій человѣкъ, да погубилъ свою душу Гаврилайдой.

Вотъ ужъ истинно — слово не воробей, выскочить, не поймаешь: сказалъ Иванъ Семеновичъ о Гаврилѣ и промахнулся. Регентъ почему-то заинтересовался, стала разспрашивать и, узнавъ суть Гаврилайды, уцѣпился обѣими руками — съ ножемъ къ горлу присталь: дай ему переписать. Не желая входить въ какія-либо препирательства — вѣдь не только разсуждать, но и думать о Гаврилѣ Стратилатовъ до смерти боялся — вытащилъ онъ изъ шкапа синюю страшную тетрадку и далъ ее, чтобы только отвязаться. Далъ и ужъ окончательно завязъ, попалъ

въ ловушку и не выскочишь. Регентъ не только переписалъ Гаврилайду, но и на зубокъ ее всю выучилъ, да и давай съ тѣхъ поръ передъ Иваномъ Семеновичемъ на память стихъ за стихомъ точать: придетъ вечеромъ чаю попить, возьмется за стаканъ и ужъ съ языка не сходитъ она у него, и хоть бы запнулся разокъ, нѣтъ, слово въ слово, буква въ букву. Иванъ Семеновичъ и не знаетъ, что ему дѣлать, за что и взяться, прямо не въ терпежъ: и въ жаръ - то его бросаетъ, и потъ прошибаетъ, и ерзаетъ-то онъ, а подѣлать ничего не подѣлаешь: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ.

— Тебя, регентъ, — отмахивается Иванъ Семеновичъ, — тебя за это живьемъ на угольяхъ изжарить, вотъ что, какъ князя Воротынского Иванъ Грозный изжарилъ, вотъ что, или въ тебѣ Бога нѣтъ?

А тотъ себѣ бабкаетъ — нашептываетъ, пропади онъ пропадомъ!

Истерзавъ Гаврилайдою, регентъ принимался за философскія разсужденія и опять нагонялъ такую чуму — приходилось тухо. Гаврилайды изъ головы не выходила, а отъ философіи голова трещала.

Сколько вечеровъ изводилъ регентъ Ивана Семеновича головоломнымъ вопросомъ о четвертомъ лицѣ Св. Троицы и о возможности ея пополненія —

— какъ сіе возможно?

Или о какомъ-то съѣздѣ двѣнадцати царей, которые станутъ искать правды и закона, зарытыхъ въ какомъ-то курганѣ подъ Полтавой, и когда откопаютъ законъ и правду, будутъ раздаваться даромъ сапоги и притомъ всѣ на одну колодку и всѣмъ и каждому носить обязательно, хотя бы и не по ногѣ —

— какъ сіе возможно?

Или о какомъ-то куриномъ словѣ, которое, если знать —

— такъ все тебѣ можно.

И наконецъ, о надвигающейся кометѣ, хвостъ которой задѣнетъ землю и въ какія-нибудь полминуты —

— всѣ погибнутъ, и люди и звѣри.

— А какъ же страшный судъ, ты врешь, — упирается Иванъ Семеновичъ, — годится ли этакъ дѣлать, это не предусмотрѣно.

— Безъ всякаго суда въ полминуты, — стоитъ на своемъ регентъ, — отъ газовъ.

— Отъ какихъ газовъ? — вскаиваетъ въ ужасѣ Иванъ Семеновичъ.

— Отъ газовъ, — тянетъ свое регентъ, — и никакуда не скроешься, задохнутся безъ вина пьяные, безъ ума сумасшедшие, люди и звѣри одинаково, и останется повсемѣстно одна трава-крапива жгучка.

Ну какъ же тутъ не смутиться — комета еще что! — хуже бывала философія, вотъ хотя бы о томъ же шишига хвостомъ: будто закроетъ тебя шишига хвостомъ и ты пропадешь и, сколько ни ищи, не найдутъ тебя, да и самъ себя не найдешь, или о какомъ-то всеобщемъ и обязательномъ и притомъ искусственномъ погребеніи въ родѣ австралійскаго, и все какъ-то сбивчиво, спутанно, неясно, непонятно и ровно что противъ вѣры — какъ же тутъ не впасть въ грѣхъ?

Одна лишь случайность выручила изъ бѣды Стратилатова. Въ соборномъ хорѣ подъ управлениемъ Ягодова участвовали гимназистки, и вотъ послѣ двухъ-трехъ генеральскихъ спѣвокъ поступила въ церковное попечительство жалоба, что регентъ обращается съ гимназистками не по композиторски. Попечительство произвело разслѣдованіе и послѣ праздниковъ уволило Ягодова за халатное отношеніе къ дѣлу. Воспользовавшись случаемъ, Иванъ Семеновичъ тотчасъ раззнакомился съ пріятелемъ, — предлогъ былъ самый подходящій: и это халатное отношеніе, и то, что на регентской визитной карточкѣ появилась совсѣмъ другая надпись:

*Бывший паршивато соборнаю хора регентъ
А. К. Ягодовъ.*

Страшнѣе всякой кометы сталъ Ивану Семеновичу этотъ регентъ, — закаешься и дружбу водить, — доб-

рымъ словомъ ни разу не поминалъ онъ пріятеля. И пусть лучше одни враги будуть и ты одинъ останешься посреди травы-крапивы, такъ было отчаялся Иванъ Семеновичъ.

Но сердце — не камень, въ самое послѣднее время опять нашелся пріятель — Зимаревъ Борисъ Сергѣевичъ, помощникъ секретаря. Эта новая дружба возникла изъ побужденій совсѣмъ другого рода: о томъ, чтобы передъ пріятелемъ показать свое превосходство, не могло быть и рѣчи, да и пѣнѣ оставалось въ сторонѣ. Художникъ и регентъ, по убѣжденію Стратилатова, въ подметки не годились Зимареву. Во-первыхъ, Зимаревъ — его непосредственный начальникъ и защитникъ его передъ секретаремъ Лыковымъ, во-вторыхъ, такой знатокъ древностей, что любого ученаго за поясъ заткнетъ и, наконецъ, балагурствъ стратилатовскихъ не поддерживаетъ и въ разговоры такие разные не вступаетъ, будто золотомъ уши завѣшаны, а все по умному и дѣловито, даже до чрезвычайности.

Сухонький, маленький, волосъ на головѣ совсѣмъ нѣтъ, когда ходить, лѣвой ногой подпрыгиваетъ, а какъ усядется рядышкомъ съ Иваномъ Семеновичемъ, да уткнутся оба въ какую-нибудь старинную рукопись или икону опредѣляютъ, уши ихъ сходятся — уши у Зимарева чуть развѣтъ чѣмъ поменьше стратилатовскихъ.

Съ уваженіемъ относился Стратилатовъ къ новому своему пріятелю, цѣня въ немъ и начальника и ученаго и тишайшаго скромника, совѣтовался съ нимъ, изливалъ свои горести и, хоть тотъ во внуки годился ему, смотрѣлъ, какъ на равнаго себѣ, пожилого, умудренного долголѣтнимъ опытомъ, словомъ, видѣлъ въ немъ себѣ ровесника, правда, плохо сохранившагося, но все таки однихъ лѣтъ.

Зимареву, не въ примѣръ прочимъ гостямъ, полагалось немного посидѣть и послѣ чаю и хлѣбъ ему подавался вкусный, настоящій ситный, а не такой, какъ другимъ, что и проглотить не хочется — настоящій кирпичъ, и всякие крендели и витушки и варенье ставилось не заплѣсневѣлое, а то у Стратилатова варенья большой запасъ: которое заплѣсневѣТЬ, сниметь плѣсень и расходуетъ на угощеніе.

Съ течениемъ времени Зимаревъ подобно художнику и регенту само собою попалъ какъ-то въ непремѣнныи слушатели стратилатовскихъ пѣснопѣній.

— Великое дѣло пѣніе — говорилъ Иванъ Семеновичъ, какъ бы оправдываясь за свою страсть передъ строгимъ, не издающимъ и мышинаго писка, молчаливымъ пріятелемъ, — одному пѣть невозможно, грустно одному, Бористь Сергѣичъ.

*

Обыкновенно вечеромъ послѣ прогулки, напившись чаю и поигравъ на гитарѣ, Стратилатовъ усаживается за книгу и читаетъ до часу. Чтеніе историческое и стихи больше по душѣ ему въ его одиночество, чѣмъ повѣсти и разсказы, которыхъ знаетъ онъ такъ много, что, право, и читать уже нечего. Любимые его поэты — Некрасовъ и Кольцовъ, но выше всѣхъ ставить онъ поэта, которому Фетъ передалъ свой трехпетный факсель, его считаетъ онъ всемирнымъ по-этомъ.

— Ну и санъ вѣдь высокій! — поясняетъ Иванъ Семеновичъ, привставая всякий разъ отъ избытка почтительности.

Ровно въ часъ закрывается книга, аккуратно ставится на полку либо въ шкапъ на свое мѣсто, и тушится лампа. Усердно помолившись на сонъ грядущій передъ Грознымъ и Страшнымъ Спасомъ, передъ Божьей Матерью — Всѣхъ Скорбящихъ Радости, и, поворчавъ для острастки на Агапевну, ложится Стратилатовъ спать, завершая молитвою и воркотнею свой трудовой одинокій день.

— Вѣдь вотъ ужъ я не то, что другой, — любить говорить Иванъ Семеновичъ и самъ съ собою, сладко потягиваясь подъ одѣяломъ, и знакомымъ своимъ среди бѣлага дня въ канцеляріи, — кто бы въ трактире, а вы посмотрите, сколько я перечиталь, сколько собралъ рѣдкостей, и безпорочная служба, и тутъ и тамъ успѣваю, меня и шишига хвостомъ не закроеть — не пропаду, потому что человѣкъ я хороший.

И говоря такъ, Иванъ Семеновичъ ничуть не хвасталь, да и всякий мало-мальски свѣдущій готовъ былъ обѣими руками подписать, что дѣйствительно

шишига хвостомъ его не закроетъ и что человѣкъ онъ хороший. Въ этомъ родѣ всѣ и высказывались и только одинъ единственный разъ начетчикъ купецъ Тарактеевъ, пріятельствующій съ Зимаревымъ по части нумизматики, человѣкъ смышленный и не дуракъ деньги зашибить, не очень-то лестно отозвался о своемъ со-сѣдѣ, и на возраженіе Зимарева, что Стратилатовъ тоже вѣдь человѣкъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Неужели человѣкъ? — и опять усмѣхнулся, — а я думалъ, шишимора.

Нынѣшняя весна выдалась особенная: завѣтная мечта Стратилатова устроить себѣ тихій семейный очагъ готовилась осуществиться. Казалось Стратилатову, что нашлась та молодая хозяйственная дѣвица, которая видѣлась ему въ Денисихѣ, когда браль онъ за руку размалеванную Таньку-Мерина, и слушала его, когда разливался онъ подъ гитару пуще соловья, и высматривала со всѣхъ открытоокъ, старыхъ портретовъ и гравюръ, которую искалъ онъ, шныряя вечеромъ по бульвару среди гуляющихъ и гулящихъ, нашлась она, наконецъ, недостижимая, недоступная, немыслимая, которая полюбить его безкорыстно.

Нѣтъ, что хотите, а стариkъ не спятилъ съ ума, онъ только чувствовалъ, какъ все въ немъ обновляется и подтягивается: вмѣсто малиновой плѣши развѣваются темные кудри, что такъ нудятъ дѣвье сердце, и заголубѣли глаза и сталъ онъ почти что стражникъ Емельянъ Прокудинъ, стройный такой, осанистый, блѣднолицый съ красными губами, и только что шпоръ нѣтъ.

Выйдя по утру въ обычный свой часъ, Стратилатовъ, самъ не зная чemu, вдругъ обрадовался: тому ли, что съ крышъ потекло и галки на крышѣ и потемнѣла всѣхсвятская алтарная стѣна, тому ли, что дьяконъ Прокопій прошелъ въ церковь совсѣмъ на легкѣ въ одномъ подряснике и лишь по привычкѣ обмоталъ шею шарфомъ да нахлобучилъ мѣховую шапку, и пробѣжала баба съ коромысломъ и ведромъ на церковный колодецъ въ одномъ платьѣ и козловыхъ сапогахъ, и расходилась курица, кудахча: куда-куда яйцо снести?—или все тому же стражнику Емельяну Прокудину, который, стуча шпорами, прошелъ къ надзирателю? Все его радовало и хотѣлось, чтобы всѣ были рады. У каменнаго тарактеевскаго дома съ высокимъ крыльцомъ

онъ остановился было, чтобы духъ перевести, и ему страсть захотѣлось подарить сосѣду какую-нибудь золотую рѣдкую монету, ну петровскій двойной червонецъ, что ли, только сейчасъ, сю минуту...

— Господи, Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любонаchalія и празднословія не даждь ми! — шепталъ Иванъ Семеновичъ молитву преподобнаго Ефрема Сирина, слѣдуя по Поперечно-Кошачьей на толкучку.

Въ свой обычный часъ явился Стратилатовъ въ судъ и много разныхъ разностей принесъ въ этотъ день съ толкучки — уловъ старины выдался необыкновенно удачный.

Урвавъ минуту отъ переписки, опустилъ онъ руку за стулъ и, вытащивъ изъ груды покупокъ, сложенныхъ въ горкѣ, нѣсколько затѣлихъ вещицъ, положилъ ихъ на столъ передъ Зимаревымъ, а изъ бокового кармана складень красной мѣди на самый верхъ.

— Есть дѣвица хорошаго роду, вашъ совѣтъ не мѣшало бы, — наклонившись къ самому уху сосѣда, зашепталъ Стратилатовъ пересохшими губами.

Зимаревъ покосился на разложенные вещи, красная мѣдь складня кольнула глаза, и очки его вдругъ потускнѣли.

— Вы, Борисъ Сергѣевичъ, человѣкъ положительный, не такъ чтобы ужъ молодой, присовѣтуйте-ка мнѣ: Надеждой ее зовутъ, у Артемія, старого покровскаго дьякона живеть, племянница.

А тотъ, утвердительно покачивая головою, бѣгалъ по складню своими тонкими пальцами и перевертывалъ его и къ себѣ такъ близко подносилъ, словно обнюхивалъ.

— Дьяконъ-те пьющій, — продолжать Иванъ Семеновичъ, — во время службы падаетъ, а она тоненькая да бѣленькая, сиротка, сами увидите.

— Такъ, такъ, она самая! — Зимаревъ захлебнулся отъ удовольствія, забрало его за живое: складень оказался рѣдкій, такого онъ давно добивался, вездѣ разыскивалъ — это былъ нашъ русскій Никола, простоволосый, съ церковкою и мечемъ въ рукахъ, Никола Можайскій.

— Хорошаго роду, племянница дьякона... дѣться ей некуда, тоненькая да бѣленькая... — Стратилатовъ поднялся со стула и отъ волненія сталъ гладить себя по плѣши, минуту казалось, что онъ выкинетъ какую-нибудь самую неподобную штуку: либо ударъ его хватить, либо обалдѣвъ, на столъ полѣзеть.

— Голгоѳа! — крикнулъ вдругъ Адріанъ Николаевичъ, указывая на него волосатымъ перстомъ.

И поднялось въ канцеляріи то, что обыкновенно бывало всякий разъ, какъ почему либо являлся секретарь Лыковъ съ запозданіемъ: со всѣхъ сторонъ посыпались на Стратилова дурачества и насмѣшки и пошли глупыя выходки, фыкъ и шмыкъ.

— Эхъ ты, генеральскій нось! — кто-то пискнулъ изъ пишущей машины.

— Никола Дуплянскій! — отозвалось изъ коридора.

— Аварія! — поддалъ пару безногій.

— Какъ твой Богъ поживаетъ, здоровъ ли? ввернулся писарь Забалуевъ.

— Видно, простудился! — хихикнулъ кандидатъ, сосѣдъ Зимарева.

— Гуся ѳль да попершилось! — отпустилъ Корявка.

— А я видѣлъ Ивана Семеновича съ двумя дѣвицами на бульварѣ! — перекинулъ другой кандидатъ отъ стола Адріана Николаевича.

— Неуѣмный бубень! — поддакнулъ Забалуевъ,

— Гекуба, — потянулъ своимъ хищнымъ носомъ безногій, — фальшивый грошъ на тарелку положиль!

И много еще всякихъ заковырокъ и шпилекъ подпускалось Стратилатову, но онъ, ужъ снова уткнувшись въ переписку, слушалъ лишь краемъ уха и даже ни разу не огрызнулся, какъ огрызался въ такихъ случаяхъ, не сказалъ своего обычного: „Прошу васъ заниматься дѣломъ!“ — даже плѣшь не вспыхнула.

Адріанъ Николаевичъ, славившійся высокимъ искусствомъ составлять прошенія, никогда не остававшіяся безъ послѣствій, ибо отъ роду, должно быть, написано ему было заниматься такимъ художествомъ, закончилъ какую-то важную бумагу, и, выставляя впередъ клочковатую рыжую бороду, принялъся читать во всеуслышаніе.

Само по себѣ торжественное заканчивалось прошеніе не менѣе торжественно.

— За неграмотную всеподданѣйшую Ксению Федорову Пискунову, — смаковалъ безногій, отчеканивая слова, — всеподданѣйше подписался столонаачальникъ Адріанъ Николаевъ Хрѣновъ, съ величайшимъ умиленіемъ всенижайше прошу къ снисхожденію моему горькому семейству заключающуюся именно я самъ.

— Я самъ, — залопоталъ Корявка, у Корявки языкъ будто въ киселѣ и весь онъ какой-то слизлый, а голова безпросвѣтно въ подпитіи, — я всегда самъ! — и полѣзъ было съ перомъ подписываться.

Но Адріанъ Николаевичъ, грозно поднявъ волосатый перстъ, выкрикнулъ въ ярости и изступленій:

— Вставай же, поднимайся, пьяная развратная Русь, и принимай въ объятія своихъ враговъ!... — и, отпихнувъ помощника, тухо свернуль прошеніе такъ, что слоновая бумага хрюснула, и вдругъ впаль въ то запойное благодушіе, которое оканчивалось совсѣмъ неблагодушно.

Въ канцеляріи тотчасъ все притихло, и перья чуть-чуть скрипѣли, какъ бы боясь нарушить счастливую, обѣщающую большое развлеченье минуту.

Подперевъ свою сѣдую голову, затянуль безногій любимую разбойничью пѣсню Ваньки Каина, и пѣлъ ее на голосъ удалую, разгульную, бурную по разбойничьи:

не шуми, мати, зеленая дубравушка,
не мѣшай мнѣ, добруму молодцу, думу думати.
что за утро мнѣ, добруму молодцу, въ допросъ итти...

— Мирный тихій очагъ... тоненькая да бѣленькая, сиротка, дѣться ей некуда, — шепталъ Иванъ Семеновичъ Зимареву, обсасывая, какъ ложечку съ медомъ, стальное перо и, никого не замѣчая, видѣлъ лишь ее тоненькую да бѣленькую сиротку, чувствовалъ и былъ на все готовъ; расходилось подъ пѣсню сердце: и пусть она сердце его высосетъ и его тѣло изсушитъ...

И когда появился секретарь Лыковъ и съ помощью сторожей, одноглазаго Лукьянна и Горбунова, не прекращавшій пѣніе Адріанъ Николаевичъ заключенъ

былъ въ архивный шкапъ и тамъ, надрываясь, кричалъ на весь шкапъ и потомъ начиналъ плакать, хныкалъ какъ дитё, жалобно приговаривая, что надоѣло ему и тяжко жить, Иванъ Семеновичъ расчувствовался, и стало ему жалко безногаго.

— Плеть обуха не перешибеть, Борисъ Сергеевичъ! — сказалъ онъ срыва и громко, мѣтя въ Лыкова, чего никогда бы не позволилъ себѣ, не будь такой сердечной минуты.

у троицы у сергія было подъ московою:
стояла новая темная темница;
во той ли во новой, во темной темницѣ
сидѣть удаленькой добренькой молодчикъ...

— протяжно плакаль безногій.

Тутъ всѣхъ прорвало, лопнуло послѣднее терпѣніе, кто-то фыркнулъ и пошли хихикать да пересмѣиваться.

Не смѣялся одинъ Лыковъ.

— Удостойте переписать! — говорилъ онъ, обходя столы и подкладывая каждому кипу бумагъ; ключъ отъ архивнаго шкапа висѣлъ у него на мизинцѣ.

Не смѣялся и Стратилатовъ, любившій посмѣяться надъ безногимъ, и не то, чтобы прошло время, а такая, видно, выпала минута.

И за чаемъ выказалъ онъ себя въ этотъ памятный день тоже необычно: изъ своего синяго мѣшочка потчиваль онъ чиновниковъ сахаромъ и неудержимо болталъ всякую чепуху чепушистую, молитвенно съ восторгомъ какъ-то произнося свои излюбленныя ходовыя словечки, какъ-то съ умиленіемъ, точно слово Божіе, либо высокіе титулы высокихъ особъ. Все естество его было переполнено.

— Господи Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любонаchalія и празднословія не даждь ми! — шепталъ Иванъ Семеновичъ молитву преподобнаго Ефрема Сирина, вдругъ останавливаясь на самыхъ интересныхъ мѣстахъ, и снова пускался болтать еще чепушистѣе.

Все естество его было переполнено.

Въ первый разъ увидѣлъ Стратилатовъ Надежду— предметъ своей любви — лѣтомъ на именинахъ у Арте-

мія, старого покровского дьякона. Слаще меду и сахару показалась она ему.

— Молоденькая такая — шестнадцать лѣтъ — да тоненькая, а какъ стали за ужинъ разсаживаться, разсѣлась — полдивана заняла, на пальчикъ серебряный перстень съ бирюзою, голубка гурливая! — такъ послѣ передавалъ Иванъ Семеновичъ свое первое впечатлѣніе.

Весь вечеръ онъ глазъ не сводилъ съ нея, подсаживался, смѣшилъ анекдотами, а стали въ салки играть, ее одну салилъ, а въ фантахъ, какъ набирать тройку, она сама его выбрала.

Встрѣчались на бульварѣ — Надежда у портнихи Елены Антоновны работала и постоянно въ воскресенье съ мастерницами на бульварѣ прогуливалась, — гулялъ съ нею. И лѣто и осень и всю зиму ухаживалъ.

Дальше да дальше, попался огонь къ сѣну, залюбилась она ему, что банный паръ, извѣлся и на себя не похожъ сталъ; и спать ужъ не спить по настоящему, все ворочается, — тошно тому, кто любить! — одна она въ мысляхъ, одну поминаетъ, только ею и бредить:

— Голубка моя, гурливая!

Агапевна ужъ тайкомъ кота завела. Пріучила кота подъ кроватью ночевать, чтобы сонъ нагонялъ. Уляжется Иванъ Семеновичъ, выгонитъ она Ваську изъ-подъ печки, пустить подъ кровать.

А Васька такой воркотунъ, заведеть свою пѣсню: вилы-грабли, сѣно клали — чего еще? — спи, нѣть, все ворочается — тошно тому, кто любить! — одна она въ мысляхъ, одну поминаетъ, только ею и бредить:

— Голубка моя, гурливая!

Хуже того, какъ узналъ про кота, цѣлую бурю поднялъ:

— Не хочу, — говорить, — подъ вилы-грабли спать, не грудной я младенецъ, гдѣ увижу кота, тутъ и задавлю, котъ весь домъ опалитъ.

И дѣйствительно, Васька за короткій промежутокъ слѣдъ по себѣ оставилъ: всѣ корешки Русской мысли и Вѣстника Европы опалилъ, а, по верхамъ шатаясь, задѣль и приходорасходную книгу и кое-кого изъ красавицъ.

Покорилась Агапевна, завязала Васькѣ глаза, отнесла на пустой дворъ, тамъ и покинула.

Еще плоше дѣло пошло, постылы потянулись дни — вчерашнія щи, третьеводнишная каша добрѣ! Стало Ивану Семеновичу по ночамъ представляться, будто не одна у него, а двѣ головы — развѣтилась шея на двѣ жидкихъ шеи и на каждой по головѣ болтается. Любовь-то безумитъ! И стонеть онъ ночь по-медвѣжьи, хоть зови попа да отчитывай.

— Зачѣмъ такъ стонешь, батюшка? — окликнетъ Агапевна.

— Нѣтъ, старуха, пройду я по двору и все прекратится.

И пойдетъ, выйдетъ во дворъ и прямо къ рябинѣ — рябина у могильныхъ крестовъ — влѣзетъ на нее, да сверху и примется спускаться внизъ головою. Любовь-то безумитъ! И стонеть онъ ночь по-медвѣжьи, хоть зови попа да отчитывай.

Болить сердце, печалью полна его грудь, одна она въ мысляхъ, одну поминаетъ, только ею и бредитъ:

— Голубка моя, гурливая!

Набралась страху Агапевна, тайкомъ окуривала его ладаномъ, все боялась, не случился бы грѣхъ: подкараулить шишига да хвостомъ его и закроетъ — наложить онъ на себя руки. Да Богъ далъ, все вдругъ по маслу пошло.

На самую масляницу заходитъ Елена Антонова, будто къ Агапевнѣ, и за чаемъ, расхваливъ Ивана Семеновича за благообразіе его и примѣрность, за жизнь его скромную идержанную, прошлась на счетъ пьющаго Артемія и сиротки его племянницы, которой дѣться некуда.

— Нечего вамъ одному вѣкъ вѣковать, Иванъ Семеновичъ, — турчала въ уши Елена Антоновна, — вы еще молодцомъ, а отъ Агапевны у васъ грибы по угламъ выросли; взяли бы къ себѣ Надѣрку, все — таки молодой лучъ!

Предложеніе Елены Антоновны было по сердцу и подъ руку Стратилатову, но сразу рѣшился на такое онъ не могъ: и сердце не терпить, и радъ, и до смерти боится — пошли сомнѣнія и не вѣрилось.

„Молоденькая такая — шестнадцать лѣтъ — да тоненъкая, а какъ стали за ужинъ разсаживаться, раз-

сѣлась — полдивана заняла, на мизинчикѣ серебряный перстень съ бирюзою, голубка моя, гурливая!“ — разсуждалъ самъ съ собою Стратилатовъ, нѣтъ, не вѣрилось.

На первой недѣлѣ Иванъ Семеновичъ говѣль и, пріобщившись въ субботу, послалъ на провѣдѣ Агапевну къ Артемію осмотрѣть племянницу: больше откладывать дѣла нечего, надумался и рѣшилъ.

Ходила развѣдчицею Агапевна и вернулась съ пріятною вѣстью.

— Дюже хороша! Походка павлинная, разговоръ лебединый! — нахваливала Агапевна Надежду, какъ цыганскую лошадь, и подливая масла въ огонь, безповоротно утвердила Ивана Семеновича въ его рѣшеніи.

Одна была остановка — сама Надежда: какъ посмотритъ она на стратилатовское предложеніе и согласится ли перебѣхать въ домъ всѣхсвятскаго дьякона Прокопія? Это послѣднее и непустяшное дѣло взялась устроить Елена Антоновна.

Елена Антоновна и не за такое бралась. И ужъ въ началѣ крестопоклонной недѣли все было устроено самымъ благополучнымъ образомъ и безъ всякихъ, словно по щучьему велѣнію.

Въ середу — въ памятный для всѣхъ день, Иванъ Семеновичъ признался Зимареву и закрѣпилъ тогда признанье свое подаркомъ рѣдкаго складня Николы Можайскаго, а въ пятницу, показывая пріятелю какуюто старинную вещицу съ толкучки и, по обыкновенію, наклонившись къ самому уху, сказалъ, придавая голосу особенную дѣловитость:

— Надежда согласилась, сегодня переѣдетъ! — и, не сдержавъ ужъ чувствъ своихъ, распустился въ такой павлиній хвостъ, что самъ Лыковъ, принимавшій бумаги, улыбнулся.

Нѣтъ, что хотите, а стариkъ не спятилъ съ ума, онъ только чувствовалъ, что ужъ не въ состояніи высидѣть до конца въ длинной, низкой закопченой канцеляріи, что не мѣсто ему тутъ за большимъ, изрѣзаннымъ ножами столомъ, а тамъ — на волѣ, гдѣ вотъ тронется — пойдетъ рѣка, и шумятъ прирѣчныя ракиты, и чернѣютъ болотныя кочки, и птицы летятъ. И онъ

въ первый разъ за всю свою сорокалѣтнюю безпорочную службу, подъ предлогомъ внезапнаго внутренняго разстройства, ушелъ изъ суда на двадцать три минуты раньше срока, причемъ о этихъ незаконныхъ двадцати трехъ минутахъ заявилъ отъ полноты чувствъ своихъ не только Зимареву, что, пожалуй, и полагалось, но и писарямъ, Корявкѣ и Забалуеву, и сторожамъ, Лукьяну кривому и Горбунову.

Изъ суда Стратилатовъ повернулъ не направо, къ Поперечно-Кошачьей, а налево къ Покровской — въ сберегательную кассу, и, положивъ шестьсотъ рублей на имя Надежды, съ облегченнымъ сердцемъ пустился домой. Его тяжелыя огромныя калоши саженями скрадывали пространство. Онъ мчался во весь опоръ, такъ не то чортъ, птица не поймаетъ. Жилистая тоненькая ножки горѣли, а пестрый платокъ торчалъ краснымъ ухомъ — то и дѣло вынималъ его Иванъ Семеновичъ и обтирался. Проворно поднявшись на крыльцо, крѣпко ударили онъ кулакомъ въ дверь и, не передохнувъ, снова ударили и ударили въ третій разъ — сидѣла на дворѣ куча воробьевъ, всѣхъ спугнуль.

— Кто, батюшка, кто? — зашамкала за дверью Агапевна.

— Я, старая, отпирай.

Весь горѣлъ отъ нетерпѣнія и все второпяхъ, и обѣдалъ Иванъ Семеновичъ на скорую руку, все на часы посматриваль — Елена Антоновна обѣщала привести Надежду къ вечеру, а ужъ темнѣло. И спать не легъ.

Бѣлая лебедь не раненая, не кровавленая будетъ у него живьемъ въ рукахъ, а какъ миловать ее будетъ и жаловать!

— Мно-о-о-гая, мно-о-гая лѣта! — бурчалъ себѣ подъ носъ Стратилатовъ.

Да и не заснешь, пожалуй. Колченогой желѣзной кровати не было, еще утромъ унесла ее Агапевна въ сарай. На ея мѣстѣ стояла широкая кровать краснаго дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, а вмѣсто продавленнаго тюфяка подымался пружинный матрацъ, правда держанный, но за то совсѣмъ, какъ новенькой, алое пушистое одѣяло и гора бѣлыхъ подушекъ.

Бѣлая лебедь не раненая, не кровавленая будетъ у него живьемъ въ рукахъ, а какъ миловать ее будетъ и жаловать!

— Мно-о-о-гая, мно-о-гая лѣта! — бурчалъ себѣ подъ-носъ Стратилатовъ.

Какъ на Рождество и Пасху, все было прибрано и вымыто, съ картинъ стерта пыль и снята паутина и, кажется, не осталось въ цѣломъ домѣ ни одного паучка. Не день, видно, мѣсяцъ шли приготовленія.

Въ гостиной въ чудесное зеркало отражался шестнадцать разъ бѣлый, покрытый камчатною скатертью столъ, круглый мѣдный подносъ съ косичкинскими и хаминовскими сластями и чупраковскими пряниками, и рядушкомъ съ стратилатовскою на раззолоченой рѣшеткѣ чашкою, вмѣщавшей въ себѣ добрыхъ два стакана, завѣтная чашка — яйцо на куриныхъ ножкахъ съ золотымъ крыломъ вмѣсто ручки.

Агапевна ~~х~~опотала на кухнѣ, возилась съ пузатымъ никелированнымъ самоваромъ, рыжій стратилатовскій сапогъ ухалъ отъ натуги.

Иванъ Семеновичъ поправилъ лампадки, перетащилъ укладку съ серебромъ на сундукъ съ книгами, положилъ въ укладку книжку изъ сберегательной кассы — шестьсотъ рублей, запыхался, раскрылъ красный шкатулъ, сунулъ въ карманъ печать свою — отъ онаго свое начало все воспріяло, бережно вынуль золотые туфельки и, пристѣвъ къ столу на царское кресло, тихонько стала ихъ на колѣняхъ у себя повертывать, словно прилаживая къ маленькой ножкѣ, непослушной такой и брыкливой, золотые туфельки.

Скажи только, что хочешь, онъ все отдастъ, будетъ дарить, будетъ охранять на вѣчныя вѣки тѣломъ, кровью и жизнью, скажи только, что хочешь, будетъ служить вѣрно и вѣчно, бѣлая лебедь не раненая, не кровавленая, бѣлая лебедь!

— Мно-о-о-гая мно-о-гая лѣта! — бурчалъ себѣ подъ-носъ Стратилатовъ.

Тѣснѣе и тѣснѣе становилось ему въ его заставленной, хоть и вымытой, вычищенной и безъ единаго паучка, комнатѣ. Душно становилось въ комнатѣ, какъ въ паучиномъ гнѣздѣ, душило нетерпѣніе, какъ тотъ гнѣвъ, что не уложишь, мечъ, что не уймешь, огонь,

что не угасишь, а сердце, прядя волну за волною, въ пылу и трепетъ заплывчивое неуимчиво искалило и иззывало . . .

По весеннему ужъ синѣль вечеръ на волѣ, темные на таломъ снѣгѣ высматривали кресты отъ всѣхсвятскаго алтаря, черный воронъ вѣрный сидѣль на крестѣ. Два луча отъ лампадокъ — отъ Спасителя и Богородицы — скрестившись на золотѣ туфелекъ, горѣли багряною звѣздою.

Все естество его укрѣплялось и утверждалось и, какъ крѣпкое дерево подъ крѣпкою бурею, упорно уходило въ глубь земли желѣзнымъ корнемъ, богатырской костякъ вырасталъ въ немъ.

Вспомнилъ ли о чёмъ, или спохватился, или кровь разыгралась, выронилъ онъ туфельки, всталъ, и, заложивъ большіе пальцы въ карманы жилетки, будто безглазый въ своихъ темныхъ очкахъ, уставился на себя въ зеркало и, отраженный шестнадцать разъ, улыбнулся — такъ улыбнулся, что большой бѣлый зубъ сверкнулъ въ углу рта, — пуще смерти истома . . .

въ шестнадцать лѣтъ невинное смиренье,
бровь черная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
подъ полотномъ упругое движенье . . .

— шепталъ онъ, не переводя духъ, стихъ за стихомъ изъ страшной синей тетрадки, а два луча отъ лампадокъ — отъ Спасителя и Богородицы — скрестившись на его головѣ, горѣли багряною звѣздою.

Погасъ синій вечеръ на волѣ, потемнѣль снѣгъ, почернѣли кресты, черный воронъ вѣрный перескакивалъ съ креста на крестъ, а онъ, не переводя духъ, шепталъ стихъ за стихомъ, и два луча отъ лампадокъ — отъ Спасителя и Богородицы — скрестившись на его головѣ, горѣли багряною звѣздою.

И вдругъ словно со всѣхъ силъ ударилъ его кто: зажмурившись и согнувшись шею, присѣль Иванъ Семеновичъ на корточки — шестнадцать разъ за его плѣшью вылядывала Агапевна.

Прошибла старуху слеза, заслушалась стиховъ, какъ пѣнія, плакала:

— Ужъ такъ хорошо, батюшка, страсть какъ!

И долго Иванъ Семеновичъ не отзывался — духъ захватило — долго не раскрывалъ глазъ; мотая головой и обороняясь, поднялся онъ, наконецъ, злѣе зла.

— Старуха, — захрипѣлъ вдругъ словно изъ петли, — вонъ! административныи порядкомъ вонъ въ двадцать четыре часа!

Покорно, низко поклонилась Агапевна, высохли слезы.

— Прощай, батюшка! — и пошла.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Сколько ни старался Стратилатовъ скрыть счастливую перемѣну своей жизни и какъ ни хитрилъ, скоро о ней стало всѣмъ извѣстно.

— Радуется дворъ, когда рои роятся, радуется поле, когда распускаются цвѣты, радуется гумно, когда хлѣбъ молотятъ; и человѣкъ, когда онъ счастливъ! Виденъ соколь по полету! — признался какъ-то самъ Иванъ Семеновичъ.

Дождались Святой недѣли, разговѣлись и ужъ на розговинахъ всѣ знали, что живеть у Стратилатова Надежда — Артемія, стараго покровскаго дьякона, племянница, и что живутъ они, какъ въ самомъ настоящемъ, только незаконномъ бракѣ; онъ ее называетъ индюшечка-капуничка, она его — херувимчикъ.

Кстати и некстати начали поздравлять его и въ выраженияхъ, хоть и изысканныхъ и почтительныхъ, но не совсѣмъ удобныхъ, а въ отсутствіи секретаря Лыкова предлагали самые что ни на есть стратилатовскіе вопросы, касающіеся его счастливой семейной жизни и тѣхъ счастливыхъ мелочей ея, затрагивать которыя считается вообще непринятымъ и, кромѣ того, неприличнымъ.

Сходились чиновники изъ всѣхъ отдѣленій суда и толпою и въ одиночку — одни похихикать, другіе же просто глазкомъ взглянуть, даже изъ архива приходили, а ужъ въ архивѣ извѣстно, одни архивные. Интересъ быль такъ великъ, такъ всѣхъ занимало, что позабылись не только всѣ правила благопристойности, но и всякия исключенія.

Стратилатовъ сначала отшутивался, потомъ дулся и крѣпился, потомъ вышелъ изъ себя и сталъ объяс-

няться. И по его довольно таки сбивчивому толкованию выходило совсѣмъ наоборотъ: Надежда будто бы помѣстилась у него на мѣсто Агапевны и больше не почему, Агапевну же онъ давно собирался вытурить за всякия злонамѣренности — отъ старухи развелись грибы по угламъ и храпитъ она, какъ фельдфебель, и одушливая — кашляетъ, и завела было кота Ваську, чтобы спать подъ вилы-грабли, но что онъ не такой, какъ всѣ, и ничуть не похожъ на охаверника Забалуева писаря, а потому никогда себѣ не позволить какъ дурно, такъ и безнравственно поступить съ сироткою-племянницею дьякона Артемія, которой всего шестнадцать лѣтъ и дѣтъся ей некуда, и всѣ, кому приходитъ гнусная мысль о немъ, просто-на-просто съ своихъ же гнусныхъ мыслей все сочиняютъ.

— Свиньи полосатыя и больше ничего! — заканчивалъ Иванъ Семеновичъ, и потъ градомъ лиль съ его лысины.

Но изъ этихъ объясненій, завершавшихся свиньей полосатой, путного ровно ничего не вышло, только совсѣмъ ужъ втяпался. Подняли его на смѣхъ, вѣдь улики всѣ на лицо!

Изъ суда по дорогѣ домой всякий день заходилъ онъ къ Косичкину, либо къ Хаминову, либо къ Чупракову и накупалъ сластей, конфетъ, пряниковъ, чего въ прежнее время никогда не позволялъ себѣ, въ субботу послѣ всеношной ни на Бульварѣ, ни въ Денисихѣ больше не показывался, что вызывало большое неудовольствіе той же Таньки Мерина, въ воскресенье уходилъ съ бульвара еще засвѣтло и вовсе не дожидаясь разгоннаго марша, наконецъ, кровать краснаго дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, замѣнившая его старую колченогую, и нѣжнаго прямо райскія чаепитія на крылечкѣ съ Надеждою, смутившія и вогнавшія въ краску самого Забалуева, а Забалуевъ, какъ извѣстно, хорошему тону, изящнымъ манерамъ, свѣтскому обращенію и танцамъ обучался не больше, не менѣе, какъ въ Денисихѣ. Что теперь станешь говорить?

Случай же, произошедшій на Ивана Купала въ день ангела Ивана Семеновича — столкновеніе его съ всѣх-

святскимъ дьякономъ Прокопіемъ — и слѣпому глаза открылъ. А столкнулся онъ съ дьякономъ по сущему пустяку.

..Ни въ одной церкви нѣтъ такого стеченія бого-
мъщцевъ, какъ за поздней обѣдней у Всѣхсвятской.
Валомъ валить народъ, дотору нѣтъ, ровно въ Прокопьевскомъ, когда подымаютъ чудотворную икону Феодора Стратилата, и не протолкаешься. Много народа съѣзжается и сходится не только городскихъ, но и подгороднихъ и даже изъ дальнихъ деревень. Въ церкви тѣсно, стоять и на паперти, и въ оградѣ у церковнаго колодца, возлѣ стратилатовскихъ грядокъ, не малая толчяя.

Всѣхсвятская церковь древняя обыденная — въ сутки выстроена міромъ по обѣту послѣ чумы, служба долгая, пѣніе хорошее, о. Михей видный, истовый и рѣчистый — брюхо выше носу подымается. Все это вѣрно и правильно. Привлекаетъ же богомольцевъ дурочка сестрица Матрена.

Бывають такіе люди и совсѣмъ невзрачные и съ лицомъ самымъ зауряднымъ, но стоить имъ улыбнуться, и всѣ ихъ черты станутъ прекрасными и, глядя на нихъ, становится легко и весело, или войдетъ такой незамѣтный совсѣмъ, а заговорить, и притомъ самое простое немудреное, и вдругъ какъ-то вырастеть, и отъ словъ его просторно тебѣ, а то бывають и такіе, только взглянутъ — взгляда довольно, и становится легко и весело. И вотъ эта-то радость, которою полна улыбка, слово и взглядъ, должно быть, и привлекаетъ къ себѣ. За такими идетъ народъ.

Дурочка Матрена не молоденькая — лѣтъ тридцать ей, не менѣе, но лицо у ней дѣтское, а когда морщится, точно какого-то звѣрка напоминаетъ — бѣлку, вотъ кого! Платя на ней яркія, — то голубое, то алое, то канареечное, то пунцовое, на головѣ теплый платокъ, сѣрый, пушистый черными кругами, а какъ спустить его — закроется вся, даже жутко станетъ.

Еще обѣдня не отойдетъ, выйдетъ она въ ограду, сядетъ на камень у колодца, а за ней народъ. Окружать ее; кто перекрестится, копѣйку у камня положить, поклонится и опять станетъ, а кто такъ стоитъ смо-

тритъ. Ждуть. Сидить она на камнѣ — глаза у ней свѣтлые, ну, право же, каждый звѣрокъ, каждая птичка, солнце, дождикъ, звѣзды, луна завели бы съ ней ласково бесѣду, какъ съ малыми ребятами.

— Сестрица! — вдругъ заговорять изъ толпы.

И она примется рассказывать и словно отъ какой-то большой радости, какъ дѣти, запыхавшись: то торопится, то протягиваетъ, путаетъ, но отъ каждого слова легко и такъ, что, кажется, и травѣ, и камню, и водѣ легко.

Рассказываетъ она изъ житій и евангелія, о рождествѣ любить разсказывать, какъ вела звѣзда волхвовъ: заснуть волхвы и звѣзда заснетъ.

— Не проспите свою звѣзду! Или ужъ нѣть звѣзды?

— Видимъ, сестрица!

— Помоги намъ, сестрица!

— Вонъ она, сестрица!

А то сказку заведеть про козу — которая все ъсть просить и сколько ее ни корми, все голодна, и о пѣтушкѣ, какъ пѣтушка лисица горошкомъ заманивала, чтобы только въ окно пѣтушокъ выглянуль, а горошекъ-то вкусный, а зубы-то у лисы острые, и опять про козу, какъ бѣжитъ она за кленовымъ листочкомъ полбока-лупленая, и какіе такие люди есть — облупили полбока козѣ! — свистуны люди, какъ сохляя листья, сгребетъ ихъ дворникъ и въ яму, и опять о пѣтушкѣ: обманула горошкомъ лиса, унесла пѣтушка и сѣѣла, и вдругъ про рѣки, какъ текутъ онѣ полноводныя, сильныя, какъ серебро свѣтлыя, да гульливыя, ни песками, ни кореньями, ни камнями не держатся, и про птицъ, какіе онѣ птицы — голуби...

— Рѣки текутъ, сестрица!

— Голуби птицы, сестрица!

— Ты наша, сестрица!

И опять про козу: пасеть ее старая-престарая старуха и не знаетъ старуха, что ей-дѣлать, мало у ней хлѣба, а все ъсть просить, все голодна коза.

— И я не могу накормить васъ, а вѣдь вы голодны!

— Мы сыты, сестрица!

— У меня и ложекъ не хватить... — а сама глядить, улыбается, алый румянецъ покрываетъ блѣдность,

становится легко и такъ, что, кажется, и травѣ, и вѣнью, и водѣ легко.

— Спасибо тебѣ, сестрица!

— Не покидай настѣ, сестрица!

— Ты наша, сестрица!

Стратилатовъ возвращался отъ поздней обѣдни — въ день своего ангела онъ находилъ болѣе умѣстнѣе помолиться не въ Зачатьевскомъ, а у Иоанна Предтечи — настроеніе у него было самое именинное. Протолкавшись сквозь толпу, онъ тоже остановился не подалеку отъ камня.

Дурочка ужъ кончила разсказы — стали понемногу расходиться — она сидѣла неподвижная, какъ камень, съ плотно закрытыми глазами, и вдругъ камнемъ упала на землю. Кто-то бросился за водою, чтобы подать ей напиться, но всѣмъ хорошо было извѣстно, что она просто дурить и представляется, и будетъ биться и стонать до тѣхъ поръ, пока дьяконъ Прокопій не принесетъ ей воды.

— Ужъ впрямь дурья порода! — сказалъ какой-то косоглазый въ поддевкѣ.

— Камнемъ васъ тамъ окаянныхъ надо! — отозвалось съ другого конца.

— Сѣла баба на кота, поѣхала до попа... Сѣла ангела, Иванъ Семеновичъ! — подмигнулъ проходившій съ барышнями фельдшеръ Жоховъ, пріятель Забалуева.

Иванъ Семеновичъ кивнулъ фельдшеру, благодушно разматривая дурочку.

И когда явился дьяконъ съ ковшомъ, она, какъ-то чѣмъ не бывало, поднялась съ земли и, жадно глотнувъ полный ковшъ, такъ стала уморительно морщиться, носъ морщила, что, глядя на нее, всѣ точно также носъ заморщили.

— А кого ты, Матрена, во снѣ видѣла? — съ улыбкой пристала дьяконица.

— Дьякона.

— А какъ же ты, милая, его видѣла? — не отставала дьяконица.

— А видѣла я, — почти пропѣла дурочка и вдругъ вспомнилась вся своимъ сѣрымъ пушистымъ съ черными уголками платкомъ, — видѣла я, будто купаемся...

Взрывъ хохота заглушилъ слова, во всю мочь
готаль дьяконъ, пищала дьяконица.

— Бываетъ же такая погань, — съ омерзенiemъ
сказалъ Стратилатовъ, — къ духовному сану никакого
уваженія! — и плонувъ, пошелъ къ грядкамъ.

— А твоя Надерка шлюха гулящая! — пустилъ
дьяконъ, гогоча въ слѣдъ: ужъ такъ разыгрался.

— А вотъ я тебя, дьяконъ, застрѣлю, — обер-
нулся Иванъ Семеновичъ и быстро-быстро зашмыгалъ,
по грядкамъ къ дому.

Гоготъ между тѣмъ не унимался: дурочки сонъ
и стратилатовская угроза довели его до неистовства.
какая-то кликуша залаяла.

Но Иванъ Семеновичъ не заставилъ себя ждать,
словно изъ-подъ земли выросъ онъ съ большимъ
грузинскимъ пистолетомъ, украшеннымъ тонкою рѣзь-
бою. Онъ шелъ прямо къ дьякону и въ шагахъ пяти
остановился, поднялъ пистолеть и сталъ цѣлиться.

И тотчасъ все притихло, одна лишь кликуша
ляяла.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость
его! — зашептали старухи, расползаясь, какъ слѣпые
щенята отъ матери.

— Ты попробовалъ бы лучше изъ палки выстрѣ-
лить, авось вѣрнѣе! — дьяконъ скорчилъ рожу, будто
передразнивая, и стала пятиться.

А Иванъ Семеновичъ упорно цѣлился, и казалось,
вотъ сю минуту спустить курокъ, раздастся выстрѣлъ,
и конецъ дьякону.

Дьяконъ вдругъ задрожалъ весь и, высунувъ языкъ,
какъ-то присѣдая, словно на перебитыхъ ногахъ, съ
высунутымъ языкомъ пошелъ прочь.

Такъ пропалъ дьяконъ за крестами, окружающими
всѣхъсвятскій алтарь, и осталось у камня всего нѣсколько-
душъ: какія-то деревенскія бабы съ узелками, и съ
ними кликуша, которая лежала теперь ничкомъ на травѣ,
да нарядная барышня Спицына, дочка купца Спицына,
опекавшая дурочку, да сама дурочка, — она сидѣла на
камнѣ, держала на колѣняхъ платокъ и плакала тихо,
какъ дѣти, у которыхъ отняли игрушку.

А Иванъ Семеновичъ все стоялъ и цѣлился. ¹
должно быть такъ въ оцѣпенїи съ пистолетомъ въ

Просто бы простоять до вечера, до ночи, если бы не пробудилъ его голосъ Надежды. Надежда, перевѣшившись изъ окна, съ сердцемъ кричала, чтобы шель скорбѣ чай пить — пирогъ поспѣлъ.

— Мерзавецъ, долгогривый песъ! — очнулся Иванъ Семеновичъ и пошелъ къ дому, тяжело передвигая свои огромныя калоши.

Эхъ, въ прежнее-то время въ обернибѣсовское, въ тѣ ранніе годы, когда еще жива была покойница мать, какъ весело проходили именины! Насталь сѣнокосъ, напускалась, разгуливалась острая коса въ мягкой травѣ, сметали съю въ стога, легъ бы подлѣ стога или сѣль бы верхомъ на коня, поднялся бы конь, только топъ стоитъ. Сколько въ лѣсѣ деревьевъ, сколько прутьевъ на деревѣ, сколько на каждой вѣткѣ зеленыхъ листьевъ, все узналъ бы, весь лѣсъ обѣхалъ бы.

Но теперь не до того: другая пѣсня! Именины не въ именины пошли.

На слѣдующій день послѣ столкновенія, на свои черствые именины, Стратилатовъ перебрался на новую квартиру къ сосѣду Тарактееву въ каменный домъ съ высокимъ крыльцомъ.

Не хотѣлось ему разставаться съ своими комнатами, трудно было, а пришлось, не хотѣлось и вещамъ трогаться съ места, за столько-то лѣтъ насилии мѣстечко, а пришлось. Просто взбѣсилась Надежда, кричала она озвѣрѣлая на всю Поперечно-Кошачью, что тутъ дня не останется въ дьяконскомъ паучиномъ гнѣздѣ, гдѣ и не житѣ ей, а смерть — осрамилъ ее дьяконъ! — сѣала и метала, въ горячахъ кокнула завѣтную чашку съ золотымъ крыломъ, напустилась со зла на Ивана Семеновича, давай колотить его да хлестать по ушамъ, насѣпала до синяковъ, такъ разбушевалась, такъ расхѣдилась, вотъ глаза выцарапаетъ, хоть веревкою крути. Такъ и покинулъ Иванъ Семеновичъ въ угодность Надеждѣ свой старый дьяконскій домъ.

Перѣездъ на новую квартиру и вся злополучная исторія съ обстрѣленнымъ всѣхсвятскимъ дьякономъ вызвали новые толки, а разговорамъ, всяkimъ шуточкамъ и насмѣшкамъ конца не было. Увѣряли, что изъ ствола стрѣлатовскаго пистолета лѣтъ ужъ двѣsti никто не стѣбллялъ да и заряжать такой грузинскій невозможно: безъ пороха разорветъ; смѣялись надъ дьякономъ, ко-

торый стрекача задалъ въ виду огнестрѣльного орудія, и что дурочка сестрица Матрена за это разлюбила своего дьякона, съ особеннымъ же удовольствиемъ и довольно откровенно передавались подробности самого переѣзда: какъ стражникъ Емельянъ Прокудинъ помогаль вещи перетаскивать и какая награда доста-лась ему за усердіе.

— Голгофа, — взывалъ Адріанъ Николаевичъ, указывая волосатымъ перстомъ на Стратилатова, — рогата ты плѣшь.

Но Ивану Семеновичу совсѣмъ не до роговъ было, весь поглощенный устройствомъ своего нового угла, онъ только и думалъ, какъ и гдѣ разставить ему вещи, которыхъ оказалось и много да и не послушныя какія-то. Всякія издѣвательства, всякие назойливые вопросы разъ-отъ-разу отскакивали отъ него, какъ отъ стѣны горохъ. И признался ли бы онъ въ концѣ-то концовъ, что живеть съ Надеждою вовсе не какъ братъ съ сестрою, а вѣдь въ сущности всѣмъ только и хотѣлось, чтобы онъ признался въ этомъ, или же, потерявъ послѣднее терпѣніе, прибѣгъ бы къ своей чернильницѣ и зачернилъ бы въ канцеляріи весь поль пятнами, а можетъ быть, вооружась по самыѣ зубы, опять за пистолетъ взялся бы, но ужъ, конечно, за самый скорострѣльный, обѣ этомъ никто не думалъ, да и думать не стоило — все кончилось само собою.

Какъ лишь случай когда-то спасъ Ивана Семеновича отъ регента Ягодова, и регентскихъ злопагубныхъ нашествій и Ягодовскій богопустной философіи, такъ и теперь выручилъ его, но ужъ не случай, а цѣлый рядъ событий да такихъ важныхъ — на весь городъ.

Женскій Зачатьевскій монастырь послѣ древняго Прокопьевскаго первыи. Въ его прошломъ числилось за нимъ не мало заслугъ и много прелюбопытныхъ исторій: онъ и отъ враговъ спасаль и просвѣщеніе насаждалъ, за его высокими стѣнами умирали въ заточеніи узницы и простыя смертныя и такія, при имени которыхъ Стратилатовъ непремѣнно бы привсталъ, одно время хлыстовство процвѣтало въ немъ, но всѣ эти доблести давнымъ давно поросли быльемъ, монастырь пришелъ въ запустѣніе и шла жизнь хозяйственная, сварливая — монастырская.

Еще въ концѣ прошлаго года вдругъ заговорили о монастырѣ, говорили съ уха-на-ухо, а слышно было съ угла-на-уголъ. Прошла молва, что творится въ монастырѣ что-то необыкновенное и притомъ такое, что и подумать страшно.

По ночамъ будто бы подымается шумъ, появляется нечисть и скверна — вредная наськомыя, жабы болотныя, псы смердящіе, мыши летучія, скорпіоны и всякие гады земноводные, отъ которыхъ и стонъ и скрѣкъ по кельямъ стоитъ, но мало того, въ трапезной будто бы всѣ предметы ни съ того, ни съ сего сами собою ворочаются: падаетъ посуда съ полокъ, вылетаетъ пестикъ изъ ступки — зазѣваешься, огрѣеть по затылку! — выскакивають изъ печки горящія дрова.

Зачатьевскій протопопъ о. Пахомъ — Ахитофель сбѣжалъ отъ страху, когда, войдя въ трапезную молебенъ служить, увидѣлъ шествующій ему наавстрѣчу огромный пустой сапогъ, а какая-то лежащая корзинка такъ хватила дьякона въ спину, что въ бѣдняги всѣ печенки отшибло и къ Пасхѣ престалъ.

А затѣмъ стало извѣстно, что въ самое наикратчайшее время кто-то надругался надъ всѣми монашками и такое попущеніе объяснялось ничѣмъ инымъ, какъ огненнымъ искушеніемъ, которое будто бы нападаетъ по ночамъ на монашекъ и нѣтъ отъ него никакого избавленія.

Нашъ поліціймейстеръ Жигановскій, любившій называть себя Понтіемъ Пилатомъ, человѣкъ прямой и отважный, вывѣдавъ черезъ особыхъ по ручныхъ суть дѣла, задумалъ расправиться по-свойски

А дѣло-то было не безъ грѣха: оказалось, что нечисть и скверна — всѣ эти появляющіеся гады земноводные, не болѣе, какъ басня, пущенная лишь для отвода глазъ, а путешествующій сапогъ съ летающей корзинкой — ловкая продѣлка; въ дѣйствительности же по ночамъ монашки опускали съ монастырской стѣны корзины и подымали въ этихъ корзинахъ къ себѣ въ кельи своихъ кавалеровъ, а затѣмъ ужъ слѣдовало огненное искушеніе.

Немедленно же нагрянуть врасплохъ и поразить всѣхъ на голову, вотъ что занимало поліціймейстера, извѣстно, Жигановскій: два часа въ сутки спить, и всѣ жулики ему повиновались.

По обыкновенію, долго не раздумывая, неожиданно подошелъ онъ ночью къ монастырской стѣнѣ, застыль въ корзину и благополучно сталъ подниматься. И ужъ въ корзинкѣ, покручивая лихіе свои жигановскіе усы, рисовалъ въ воображеніи цѣлья картины: какъ всѣ потрясены будутъ, какой кавардакъ выйдетъ — битва, разгромъ, пораженіе. И вотъ на самомъ на верху, когда оставалось только вылезать и дѣйствовать, монашки, заглянувъ въ корзинку, съ ужасомъ узнали поліціймейстера, затащились воронами, зачайкали да отъ страха и выпустили веревку: корзинка — внизъ, а съ ней и Жигановскій, да такъ съ высоты и брякнулся о земль, — тутъ ему и смерть приключилась.

Геройская гибель Жигановскаго стала притчею во языцехъ: только о поліціймейстерѣ и было разговоръ. И былъ по немъ отъ всѣхъ великій плачъ, какъ выражался, передавая событие, Иванъ Семеновичъ.

Не успѣли сорокоустъ справить, произошло другое событие, поднявшее шумъ вокругъ себя не меньшій.

Чиновникъ изъ судейского архива Страстотерпцевъ, не уступавшій въ своемъ пристрасті къ чаю самому Стратилатову, коротая вечерокъ въ трактирѣ Бархатова съ чиновникомъ Предтеченскимъ, побился объ закладъ на полтора рубля, что выпить за одинъ присѣсть пятьдесятъ чашекъ чаю.

Предтеченскій согласился, ударили по рукамъ и потребовали чаю. Случившійся у сосѣдняго столика бывшій регентъ паршиваго соборнаго хора Ягодовъ, какъ отрекомендовался регентъ, и его закадычный другъ, гармонистъ Молодцевъ, вызвались быть свидѣтелями. Бывшій регентъ наливалъ, а гармонистъ отмѣчалъ выпитое.

И тридцать девять чашекъ Страстотерпцевъ выпилъ, не крякнулъ, опрокинулъ и сороковую, взялся за сорокъ первую, поднесъ ужъ блудечко къ губамъ, стало было дуть, чтобы не такъ горячо, да вдругъ какъ хлынетъ вода изъ ушей, изо рта, изъ носа — изъ всѣхъ отверстій, пошатнулся, выпучилъ глаза и упалъ, да такъ весь и изошелъ водою.

А немножко спустя послѣ похоронъ Страстотерпцева случилось такое, что, какъ говорилъ Иванъ Семеновичъ, не случалось съ тѣхъ поръ, какъ почернѣлъ воронъ.

Среди бѣла дня гимназистка Вербова, исполняя приговоръ мѣстнаго революціоннаго комитета, застрѣлила по ошибкѣ, вмѣсто губернатора, отставнаго полковника Аурицкаго, а въ ту же ночь арестованъ былъ секретарь Лыковъ и подъ усиленнымъ конвоемъ пропровожденъ въ Петербургъ.

Да кому же послѣ всего этого пришло бы въ голову заниматься Стратилатовымъ! И что такое Стратилатовъ теперь? Шишимора, — не больше. Такъ въ одинъ голосъ сказали бы.

Бросили Стратилатова, забыли Стратилатова, остали въ покоѣ всякия его похожденія, и жила-ли у него надежда или никакой Надежды никогда и на свѣтѣ не существовало, все это было такъ далеко, такъ неважно и глубоко неинтересно.

Иванъ Семеновичъ чувствовалъ себя, какъ нельзяше, теперь уже беспечально, счастливо и невредимо йдетъ его жизнь. Исторія съ Страстотерпцевымъ его

ничуть не тронула, пожалуй, даже вызвала нѣкоторое
брезгливое чувство.

— Это все равно, что утопленникъ, самъ въ себѣ
утопъ, Богъ наказаль за жадность, — отзывался Иванъ
Семеновичъ.

Полиціймейстера Жигановскаго вписалъ къ себѣ
за упокой въ поминанье рядомъ съ низложеннымъ пор
тугальскимъ королемъ, а за отставнаго полковника
Аурицкаго поставилъ на канунъ свѣтчику.

За то какъ торжествовалъ онъ, что арестованъ
наконецъ, Лыковъ, — неподкупный и неуклонный Лыковъ,
державшій голову повыше самого прокурора и чуть-ли
не знавшій то самое куриное слово, если знать какъ-
тое, то все тебѣ можно! Вѣдь, это же Иванъ Семеновичъ
первый открылъ, что Лыковъ — революціонеръ;
и, если о своемъ открытии не говорилъ при всѣхъ
громко, а только шопотомъ, признаваясь на духу
о Михею, то исключительно изъуваженія и страха
передъ начальствомъ: какъ-ни-какъ, а секретарь —
начальство, и не маленькое.

Скоро выяснилось, что Лыковъ обвинялся въ орга-
низациіи вооруженнаго возстанія. Иванъ Семеновичъ
ничего не имѣя противъ, съ удовольствіемъ добавлялъ:

— И въ экспропрації.

По его наблюденіямъ Лыковъ отнюдь не спроста
ходилъ мимо сберегательной кассы.

— Конечно, — говорилъ Иванъ Семеновичъ, —
хотѣлъ ее ограбить.

А время шло своимъ чередомъ, какъ шло при
Лыковѣ, а теперь безъ Лыкова, не обращая никакого
вниманія, кто правъ и кто виноватъ, гдѣ ошибка и гдѣ
правильно.

Пришла на дворъ осень. Дни были теплы и ясны —
суха земля, а ночи теплы и тихи — частыя звѣзды.
До Рождества Богородицы простояло тепло, а за бабымъ
лѣтомъ стала погода мокрая, пошли дожди.

Стратилатовъ приторговывалъ себѣ шубу — онъ
решилъ озnamеновать свою новую жизнь: одѣться по
новому — и, облюбовавъ какую-то енотку, всѣмъ и
каждому старался сообщить о своей покупкѣ, а кстати
и посѣтовать на всеобщее вздорожаніе продуктовъ.
Но никто не обращалъ никакого вниманія на его раз-

глагольствованія, и даже Зимаревъ, исправляющій должностъ секретаря, и оказавшійся достойнымъ преемникомъ Лыкова, какъ-то не по-пріятельски вель себя.

Участь Лыкова занимала всю канцелярію. Лыковъ не сходилъ съ языка. Строились всякія предположенія и, по мѣрѣ поступленія новыхъ свѣдѣній, рѣшалась дальнѣйшая его судьба: и какъ онъ будетъ держаться на допросѣ, и какую произнесетъ рѣчь на судѣ, и дастъ-ли такой повѣстъ себя, если приговорять его, какъ гимназистку Вербову.

Такъ за всякими разговорами и дѣлами никого не удивило и даже не вызвало самаго простого любопытства, когда въ одинъ прекрасный день, именно послѣ Возданія Стратилатова не явился въ канцелярію. Дня три пустовало его мѣсто и тутъ только хватились. Стало наводить справку, оказалось, заявленія никакого не поступало. Что за притча?

Прямо изъ суда отправился Зимаревъ на развѣдки. Стукнулся въ каменный домъ къ Таратееву на новую квартиру, но тамъ Стратилатова не оказалось и спрашиваться не у кого: внучка Тарактеева, дѣвчонка глупая и безтолковая, только и могла сказать, что зовутъ ее Катькою.

Пробившись по-пусту съ дѣвчонкою, Зимаревъ чошелъ на старую квартиру, надѣясь разузнать что-нибудь отъ надзирателя. Но къ надзирателю не пришлось стучаться, на крылечкѣ встрѣтила Агапевна.

— Это ты, золотой, — обрадовалась старуха, — а мой-то, мой-то! — и беззубый ротъ ея вздрагивалъ.

Она повела его въ комнаты, усадила въ гостиной на царское кресло передъ чудеснымъ зеркаломъ.

Все было на свое мѣстѣ цѣлымъ цѣло, словно бы и не думалъ никогда уѣзжать Иванъ Семеновичъ изъ своего насиженного гнѣзда: лампадки горѣли въ двухъ переднихъ углахъ передъ Спасителемъ и Богородицею, и висѣли картины цѣлы-цѣлехоньки, на красномъ шкапу лежала приходо-расходная книжка для записи милостины, а на дверцахъ красовался старинный обер-чибѣсовскій галстукъ съ кистями — все старуха устроила и разставила по старому, только на сундукѣ съ книгами, на которомъ спалъ когда-то художникъ, си-

дѣль теперь дымчатый усатый котъ и, замывая гостей, пѣль свои в илы - грабли, да не было самого Ивана Семеновича.

Изъ разспросовъ выяснилось, какое несчастіе постигло Стратилатова: будь и о двухъ головахъ, — пропадешь, вотъ какое горькое!

Послѣ своего изгнанія, пріютилась Агапевна въ уголку въ сѣняхъ между сундуками и, стараясь на глаза не попасться, кое-какъ перебивалась, а когда Иванъ Семеновичъ перебѣхалъ къ Тарактееву, позволилъ ей старику Тарактееву въ кухнѣ у дверей устроиться — днемъ за дѣвчонкою внучкой присматривать. А старуха и въ щель тараканомъ затиснулась бы, только бы не разставаться съ Иваномъ Семеновичемъ, чувствовала старуха: быть бѣдѣ. Дня не проходило безъ стражника Емельяна Прокудина, и днемъ, и ночью торчалъ онъ у Стратилатова — на чужое добро лакомъ! — точаль лясы съ Надеждою. И правда говорится: лакома овца къ соли, коза къ волѣ, а вѣтреная женщина къ новой любви, — стрясть ее съ нимъ лукавый. Дальше — больше, и въ концѣ концовъ ушла Надежда съ Прокудинымъ. На Воздвиженье передъ обѣдомъ вломился стражникъ, забралъ полный возъ добра, ухватилъ и укладку съ серебромъ.

— Вѣдь вотъ, милой, — рассказывала Агапевна, — нашъ то схватился за укладку, не пускаеть. Дважды на улицу выбивались, а потомъ тотъ его и дерзнулъ. Мой-то свѣту не ввидѣлъ — сконетъ съ рундука-то, да прямо въ шайку, ажно вода захлипала, руками-то схватился за желобъ, а труба прочь — а онъ бокомъ-то, свѣту не ввидѣлъ! „Ничего, — говоритъ, — не понимаю, — да руку мнѣ, — веди меня, Агапевна!“ — слезами заливается. А Надерка-то поганая на возу сидить да хохочеть: „На что мнѣ, — говоритъ, — тебя лысаго да паршиваго, помоложе есть!“ А кругомъ народъ-то издѣвается, сорокъ человѣкъ, срамота! Такъ-то, милой, изъ-за женщины такую муку принялъ. Теперь въ больницѣ лежитъ.

На другой день Зимаревъ ходилъ въ больницу. Было уже поздно, пріемъ кончился, но его, какъ начальство, пропустили.

Стратилатовъ узналъ пріятеля, но трудно было узнать его: съ забинтованнымъ бокомъ онъ лежалъ на

и рот — и повернуться, ни руку поднять — какъ копчакъ, и не румяный, а почернѣвшій, и не черный пуховикъ, сѣдые щетинились усы, ясно было, онъ подкрашивалъ ихъ и подстригалъ искусно, и застѣла колючая борода, а маленькие глаза, мутные, какъ два стеклышка, перелигивались, скашиваясь къ носу.

— Не боку мнѣ жалко, Борисъ Сергеевичъ, а то, что она, подлая, укладку увезла; кабы не боленъ, прямъ бы въ судь пошелъ, — только и могъ проговорить Иванъ Семеновичъ, видно, больно закололо въ боку.

И, глядя на пріятеля своими мутными глазами, онъ словно все спрашивалъ:

„И чего люди спорятъ, чего добиваются, и какъ разобрать, кто правъ, и когда только все это кончится?“

Но отлегала боль, и онъ опять повторялъ:

— Не боку мнѣ жалко, Борисъ Сергеевичъ.

Скрутило Ивана Семеновича, пришло время, и не дождался первого снѣга, не обновилъ енотку — не снесъ головы: на Федора Студита, какъ прилетать отъ желѣзныхъ горъ зимнимъ вѣтрамъ, пріобщившись и пособоровавшись масломъ, померъ.

Рассказывали, что мучился онъ передъ смертью крѣпко и томился. Все жаловался, что мыслей остановить не можетъ и давить глаза шибко, и мерещилось ему, будто люди какіе-то, на лопаты похожіе, набрасываются на него, зацарапили веревками подъ руки и тащатъ, какъ собаченку, къ рѣчкѣ топить, упирается онъ, визжитъ, а они молчкомъ себѣ тащатъ; а то будто кружится надъ нимъ воронъ — черный вѣстникъ, желѣзный ность, мѣдныя ноги, разинулъ клювъ и все ниже, ниже спускается; хвостъ тоже мерещился шишигинъ, промелькнетъ по палатѣ или въ углу трубой стоитъ, дымчатый, пушистый, какъ у Васьки, вотъ-вотъ закроется.

— И-ва-а-нъ! Васи-л-л-лай! Пе-е-е-тръ! — причиналь Иванъ Семеновичъ, призывая не то мертвыхъ изъ таинанья, не то живыхъ знакомыхъ, и каменѣлъ, словно палка.

А какъ притти послѣднему часу, за минуту до смерти, затихать ужъ стала и ералашъ свой бросиль — пересталь бредить, да вдругъ какъ вскочить съ койки,

выпрямился, вытянулся на своихъ жилистыхъ тонкихъ ногахъ, инда утроба вся вздрогнула, стойкій, этакъ сталъ открыто плѣшью къ солнцу — сидѣлка увѣряла что Богородицу читать сталъ, а фельдшеръ Жоховъ хихикаль, что вовсе не Богородицу, а будто стихи какіе-то, такие, — и какъ подкошенный, повалился; потъ выступилъ на переносицѣ и покатилась капля по носу, капля за каплею, выбрало изъ глазъ свѣтъ — отемнѣло, и отошелъ онъ въ вѣчную жизнь.

У Стратилатова наслѣдниковъ не было, не оставилъ онъ и духовной, и деньги — десять тысячъ — пе решили въ казну. Вещи же назначили къ распродажѣ и пока что жила при нихъ Агапевна.

И въ родѣ полуумной стала, сна лишилась старуха: приляжетъ ночью на лежанку, а не лежится, выскочить въ сѣни на крылечко — все ей представляется все ей слышится, будто Иванъ Семеновичъ кличетъ:

- Агапевна?
- Я, батюшка.

1909—1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ БЕРЛИНЪ
“РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО”

Каждое изданное книгу, выпускаетъ въ ближайшемъ времени
издательство русскихъ авторовъ:

1. „Отрывокъ изъ мемуаровъ . . .“
Романъ Е. Ильиной-Полторацкой.
2. „Со Святыми Упокой“
Романъ Л. Урванцова.
3. „Записки мерзавца“
Романъ А. Ветлугина.
4. „Нилъ Мироточивый“
Повѣсть И. Соколова-Микитова.
5. „Іезуитушка“
Книга разсказовъ А. Дроздова.
6. „Сорочьи сказки“
Дѣтская книга гр. А. Н. Толстого.
7. „Заря — зарянница“
Дѣтская книга И. Соколова-Микитова.
8. „Зайчикъ Иванычъ“, „Котофей Котофеевичъ“,
„Мышка-морщинка“, „Медвѣдюшка“, „Мака“
Дѣтскія сказки А. Ремизова.
9. „Ё“
Тибетская сказка А. Ремизова.

ПРОИЗВѢДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ:

10. „Высокая жизнь“
Пьеса Зудермана. Авторизованный переводъ.
11. „Туннель“
Романъ Б. Келлермана.

Литературнымъ отдѣломъ издательства
завѣдуется гр. А. Н. ТОЛСТОЙ.

